

КАРЛОС ФУЭНТЕС

Все кошки серы

ПЬЕСА В ДЕВЯТИ КАРТИНАХ

Перевод с испанского и вступление М. БЫЛИНКИНОЙ

Известного мексиканского писателя Карлоса Фуэнтеса наши читатели знают по роману «Смерть Артемио Круса» («Иностранная литература» №№ 7—8, 1965 г.). Недавно он выступил в новом для себя жанре — драматургии.

В основу пьесы «Все кошки серы» положен исторический сюжет: завоевание в XVI веке испанским конкистадором Эрнаном Кортесом ацтекского царства Моктесумы. Автор открыл самую первую, трагическую страницу истории Мексики и прочитал ее с точностью скрупулезного летописца и мастерством современного художника. Не искажен ни один исторический факт эпохального события, ни один миф, дана верная картина древней страны ацтеков и средневековой Испании.

И тем не менее перед нами — волнующее художественно-философское произведение наших дней, актуальной проблематики.

Мексиканский писатель встревожен экспансионистской политикой империализма США по отношению к развивающимся странам Азии, Африки и Латинской Америки, и прежде всего, конечно, Мексики, — об этом недвусмысленно свидетельствует финал пьесы. Однако народы развивающихся стран — это еще одна важная тема, поднятая в пьесе, — должны преграждать путь не только Эрнану Кортесу и стоящим за его спиной темным силам, надо остерегаться своего «собственного» Моктесуму, потворствующего внешней реакции и нагнетающего реакцию внутреннюю.

В политическом языке современной Мексики широко распространен термин «малинчизм», то есть — «предательство национальных интересов». Попавшая в рабство к испанским конкистадорам молодая индейка Малинче, или Малинцйн, получившая после крещения имя «Марина», стала возлюбленной Кортеса и содействовала успехам испанцев, выступая против индейских народов. Имя ее стало нарицательным для обозначения предательства. Автор меняет историческую ассоциацию привычного термина, наполняет его новым, более широким смыслом, толкуя «малинчизм» так: одна женщина не могла принести Кортесу с его пятьюстами солдат полную победу над Моктесумой с его десятками тысяч воинов. Основная беда, погубившая ацтекский народ, — «малинчизм» Моктесумы, а не Малинче; «малинчизм», исподволь подрывающий внутренние силы народа и распахивающий ворота перед внешним врагом. В новой и новейшей истории многих латиноамериканских республик найдется не один такой Моктесума, или, как называли его раньше, Монтесума.

Когда ацтеки под руководством вождя Куаутэмока — ныне национального героя Мексики, которому воздвигнут памятник в центре мексиканской столицы, — устремились против захватчиков, вырвавшись, наконец, из ночи царя Моктесумы, было уже поздно. Перед ними стояла ночь Эрнана Кортеса. А ночью, как известно, все кошки серы...

Искусно перебрасывая в финале пьесы мост от трагедии прошлого к тревогам настоящего, Карлос Фуэнтес, однако, оптимистически рисует будущее, которое символизирует и озаряет мифический герой ацтеков Кецалькбагль — надежда и воплощение трудового народа Мексики. После ночи непременно настает день.

Антиимпериалистическая, философская пьеса Карлоса Фуэнтеса вызвала живой отклик среди соотечественников писателя, увидевших в этом произведении не только далекое прошлое. С большим интересом пьеса была встречена и в других странах Латинской Америки — однако она не была опубликована там, где за власть еще держатся вассалы конкистадоров XX века вместе с жрецами-клерикалами.

Текст пьесы иллюстрируют репродукции рисунков из старинных мексиканских исторических хроник, а также гравюр известных мексиканских художников Леопольдо Мендеса, Альберто Бельтрана и других.

ДВОР МОКТЕСУМЫ:

МОКТЕСУМА ХОКОЙОЦИН
КУИТЛАУАК
КУАУТЕМОК
СИУАКОАТЛЬ

*верховный правитель царства ацтеков.
брат Моктесумы
племянник Моктесумы.
верховный жрец.*

Хор авгуров:

1-Й АВГУР, он же
УИЦИЛОПОЧТЛИ

бог войны и солнца, Колдун-Колибри.

2-Й АВГУР, он же
КЕЦАЛЬКОАТЛЬ

*бог света, ремесел и искусств, Пернатый
Змей.*

3-Й АВГУР, он же
ТЕСКАТЛИПОКА

бог ночи, Курящееся Зеркало.

4-Й АВГУР

женищина.

5-Й АВГУР.

ЦАРЬ ТЕСКОКО
ЦОМПАНТЕКУЧТЛИ

*старый вождь, союзник Моктесумы.
советник Моктесумы.*

ТОРГОВЕЦ.

ПАСТУХ.

СБОРЩИКИ ДАНИ.

МАГИ-ВОЛШЕБНИКИ.

ОХОТНИКИ.

ПОЭТ.

*Семья Цомпантекучтли, девушки-прислуж-
ницы, горбуны, уроды, карлики, воины, му-
зыканты, танцоры, певцы, ремесленники,
женщины, дети, наставники и др.*

ЛАГЕРЬ КОНКИСТАДОРОВ:

ЭРНАН КОРТЕС

*испанский военачальник, предводитель
отряда конкистадоров.*

МАРИНА

индеанка, возлюбленная Кортеса.

БАРТОЛОМЕ ДЕ ОЛЬМЕДО

монах-капеллан.

ПЕДРО ДЕ АЛЬВАРАДО

военачальник.

АЛОНСО ЭРНАНДЕС

военачальник.

ПОРТОКАРРЕРО

военачальник.

КРИСТОБАЛЬ ДЕ ОЛИД

военачальник.

ГОНСАЛО ДЕ САНДОВАЛЬ

военачальник.

ДИЕГО ДЕ ОРДАС

военачальник.

ТОЛСТЫЙ КАСИК ИЗ СЕМПОАЛЫ.

КОРОЛЕВСКИЕ ФИСКАЛЫ.

СЕРМЕНЬО

военачальник.

ЭСКУДЕРО

военачальник.

СОЛДАТЫ.

ПОСЛАНЦЫ МОКТЕСУМЫ.

МАТРОС.

ЖРЕЦЫ ИЗ ЧОЛУЛЫ.

ЮНОША-ЖЕРТВА.

ДВОЙНИК МОКТЕСУМЫ.

*Индейцы-носильщики, индейские юноши-
жертвы, поющий солдат, девушка-индеанка,
писарь, индейские женщины, мужчины, дети
и др.*

1

Темнота. Медленно нарастают два контрастирующих шума, заполняющие сцену и зрительный зал: частое дыхание влюбленной пары и шелест метлы, которая метет сначала медленно, потом все быстрее и быстрее. Из глубины зрительного зала с факелом в вытянутой руке к сцене бежит женщина-индеанка, это Марина. Она одета в белую тунику с цветной каймой — как ее изображают старинные манускрипты. Волосы черные, длинные, распущенные.

Марина. Малинцин, Малинцин, Малинцин... Марина, Марина, Марина... Малинче, Малинче, Малинче... Ай, куда мне идти? Мир моего народа, мир ацтеков гибнет. Куда мне идти? Может быть, единственный дом всех людей — это дом тех, кто уже лишился тела? Может быть, наш дом — это дом умерших, далекие небеса? А может быть, наша земля уже стала или всегда была домом умерших? Ай, все мы уйдем, все уйдем. Никого не останется на свете! Тогда не будем горевать!.. Малинцин, Малинцин, Малинцин... Марина, Марина, Марина... Малинче, Малинче, Малинче... У тебя было три имени, женщина: то, которое тебе дали родители; то, которое дал тебе твой возлюбленный, и то, которое дал тебе твой народ. Малинцин, сказали твои родители, Малинцин — волшебница, богиня злой судьбы и кровавых распрей... Марина, сказал твой муж, Марина — память об океане, по которому он приплыл в эти земли. Малинче, сказал твой народ, Малинче — изменница, голос и проводница белого человека. Богиня, возлюбленная и мать — я пережила страшную историю и могу поведать ее вам. Это история двух людей: одного, который имел все и звался Моктесума Хокойоцин, великий владыка ацтеков; и другого, который не имел ничего и звался Эрнан Кортес, маленький капитан, мелкий испанский идалго. Я пережила страшную историю и могу поведать ее вам. Это история двух народов: ацтекского, который сомневался очень во многом, и испанского, который мало в чем сомневался. Малинцин, Марина, Малинче. Я стояла у колыбели истории новой нации, потому что я была богиней, которая предвидела ее появление; во-вторых, я, индеанка, была любовницей белого человека, зачавшая новый народ; и, наконец, я стала матерью, которая родила мексиканцев. Богиня — Малинцин, распутница — Марина, мать — Малинче. (Пауза.) В году Се Акатль по ацтекской хронологии и в 1519 году христианской эры — как я потом узнала, когда научилась считать, — великие владения ацтеков наполнились странными фигурами и звуками...

Открывается занавес, Марина тушит факел в котле с водой и уходит.

Мехико — Теночтитлан¹, 1519 год. У стен дворца царя Моктесумы. Внезапный слепящий свет заливает авансцену. Два индейца падают на колени. Первый — бродячий Торговец в простой тунике и сандалиях. Второй — Пастух; бедра обернуты шкурой, в одной руке держит посох, в другой — сверток, который прижимает к обнаженной груди. Яркий свет заставляет обоих закрыть руками глаза.

Торговец. Опустит глаза, пастух.

Пастух. Ну и свет, я не мог бы смотреть, если бы даже хотел...

Торговец. Этот свет излучает наш царь Моктесума, воплощение солнца, властелин всех земель...

Пастух. Говорят, никто не имеет права глядеть на Моктесуму, видеть его лицо, кроме четырех его родственников, самых близких.

Торговец. Так и должно быть. Попробуй взгляни на солнце — и ты ослепнешь.

Пастух. Не для того, знать, сделаны наши глаза, торговец, чтоб глядеть на такое величие.

Торговец. Ты и я сделаны для мелких дел. *(Пауза.)* Ты, пожалуй, для еще более мелких, чем я.

Пастух. И все-таки...

Торговец. Что?

Пастух. Тебе никогда ничего не чудится?

Торговец. А, и тебе, значит, тоже!..

Пастух. Да, но я никому не рассказываю о своих снах и видениях.

Торговец. Я их называю наваждениями. А кто захочет купить наваждения! За сколько зерен какао я мог бы продать свой вчерашний сон, когда я видел, как море изрыгало чудовищ о четырех лапах и белых бородатых людей, страшно щеривших зубы?

Пастух. Мой сон был поприятней! Из-за моря вернулся наш великий бог Кецалькоатль, бог добра и счастья, чтобы принести добро и счастье беднякам нашей земли.

Торговец. Ха! Сны становятся у всех одинаковыми, как шлифованные камни.

Пастух. А ведь предсказания оправдываются, торговец. Никто не знает, как объяснить эти чудеса, но их видят все. Небо загорается, кометы

¹ В XV веке два больших ацтекских поселения — Теночтитлан и Тлателолько — слились в один город-государство Мехико. Однако Теночтитлан продолжает особо выделяться историками, в частности, потому, что по количеству жителей (более 60 тысяч семей) и размерам он значительно превосходил Тлателолько и в нем находилась резиденция верховного правителя ацтекского царства. *(Здесь и далее примечания переводчика.)*

летают, воды озера кипят, умирающие женщины вдруг воскресают, крича: «Скоро конец царству Моктесумы!» (Пауза.) Чем-то дрянным пахнет. Вроде мертвечиной.

Торговец (*принюхиваясь*). А что у тебя в узле?

Пастух. Ничего...

Торговец. Ну-ка покажи!

Пастух. Да ничего тут нет, говорю тебе...

Торговец вырывает у Пастуха сверток, из которого вываливается мертвый сопилот¹.

Торговец. Дохлый сопилот...

Пастух. Сопилот... Ты смог бы его продать, торгаш?

Торговец. Дурак. Кому нужна эта падаль?

Пастух. Не знаю, не знаю... А может, нашему царю Моктесуме... Говорят, он спустился в ад наложить на себя покаяние. Говорят, он беседует там со своими предками и с богами, чтоб узнать, что означают все эти чудеса и предсказания... Может, он захочет обменять павлинов из своего дворца на эту зловонную птицу. Зачем ему павлины в аду, а это как раз...

Торговец. Говорят, сопилоты — все равно что боги: пожирают дохлятину, чтобы очищать поля.

Пастух. Грязь и чистота.

Торговец. Чистота и грязь.

Раздается страшный крик Женщины за сценой.

Голос женщины. О мои сыны, бедные мои сыны! Все мы пропадем, все погибнем!

Пастух и Торговец в ужасе снова прикрывают глаза руками. Уходят.

3

Зал во дворце царя Моктесумы. Слепящее сияние гаснет. На сцене разлит неяркий, сумеречный, мягкий свет. Обнаженный человек — в одной набедренной повязке — медленно метет метлой. Это Моктесума. Входит хор авгуров — их пятеро в белых блестящих туниках. Их фантастическое появление сопровождается странными телодвижениями, жестикуляцией. Они прыгают, ползают, валяются по полу, что-то нашептывают Моктесуме на ухо, кричат, бегают по сцене. Одновременно нарастают, смешиваясь и чередуясь, зловещие звуки, предвещающие трагическую судьбу ацтеков: рычат дикие звери, каркают неведомые птицы, стучат топоры по дереву, ухают филины, квакают лягушки, пищат крысы.

Хор авгуров. О наш светлейший повелитель, о наш все милостивейший и всемогущий царь! Драгоценнейший из драгоценных камней!

Моктесума. Горе мне, горе! Несчастнейший я человек!

¹ Ястреб-стервятник.

Хор авгуров. Моктесума, Моктесума, Моктесума!..

1-й авгур. О всемогущий повелитель, только ты достоин быть владыкой этого царства, которое оставили тебе твои предки!

2-й авгур. Твои предки, Моктесума, не забывай их — они узаконили твою собственную власть.

Хор авгуров. Акамапичтли, Уицилиуйтль, Чимальпопока, Ицкоацин, Моктесума Старый, Ахаякатль, Тисосикацин, Ауисотль и ты...

Моктесума. Пусть замолчат лягушки...

3-й авгур. ... и ты, Моктесума Хокойоцин, молодой, щенок империи...

Моктесума. Разве вы не слышите, как ухают филины?

4-й авгур. Твои предки прибыли на это плоскогорье усталые, но чистые; без ничего, но в сиянии славы!

Моктесума отбрасывает метлу, затыкает уши руками.

5-й авгур. Они прибыли издалека, из-за белых морей, после бесконечных скитаний, окоченевшие от холода, в поисках огня родины.

Моктесума становится на четвереньки и начинает убивать муравьев на земле.

Моктесума. В этом доме развелись муравьи...

1-й авгур. Твои предки умели охотиться на оленей и ягуаров, забивать сладких фазанов и диких уток...

2-й авгур. Они убивали, чтобы выжить.

Моктесума. Проклятые муравьи...

3-й авгур. Твои предки сражались на рассвете со зверями, сами голые и безоружные, как звери...

Моктесума (*прислушивается*). Слышите, как рычит дикий зверь в горах?

4-й авгур. Твои предки научились добывать огонь.

Моктесума. Слышите, как топор стучит по дереву во тьме?

5-й авгур. А когда догорали угли, они учились читать по звездам...

Моктесума. На болоте квакают лягушки.

1-й авгур. Звезда сумерек, она же звезда зари, вывела их на правильный путь...

2-й авгур. ...к тому месту, что значилось в предсказании...

Моктесума. Слышите, как пищат крысы?

3-й авгур. К месту основания нашего города...

4-й авгур. К озеру около вулканов...

Хор авгуров. Это здесь...

5-й авгур. Скала посредине озера...

Хор авгуров. Это здесь...

1-й авгур. На вершине скалы — кактус...

Хор авгуров. Это здесь...

2-й авгур. На кактусе — огромный орел...

Хор авгуров. Это здесь...

3-й авгур. А в клюве орла — змея...

Хор авгуров. Это здесь, это здесь, это здесь...

4-й авгур. Змея, задушенная ацтекским орлом...

Хор авгуров. Берегись, Моктесума, берегись, Моктесума...

5-й авгур. ... чтобы змея не задушила орла! ¹

Моктесума. В моем доме воняет мочой шакала...

1-й авгур. Боги дали нашему народу эти прозрачные высоты под самым куполом ясного неба, далеко от серых стен океана и выжженных

¹ На государственном гербе Мексики изображен орел, держащий в клюве змею.

солнцем пустынь, которые защищают наши земли, как стены твоего дворца, Моктесума, охраняют тебя...

Моктесума. Ящерица вползла в мой дом.

2-й авгур. Эта империя¹, как начертанное на камне прорицание, должна существовать вечно...

3-й авгур. Твоя империя, Моктесума, империя солнца и войны...

4-й авгур. Империя крови, стоящая на крови распоротых грудей и вырванных сердец, которые должны питать солнце, питающее наши поля...

5-й авгур. Твои предки основали столицу империи Мехико — Теночтитлан, и отсюда они устремились в шуме сражений на завоевание остальных, известных нам земель...

1-й авгур. Они завоевали многие народы, стали взимать с них дань: золото и дерево, маис и кровь, чтобы орошать ею алтарь нашего бога Уицилопochtли, бога войны...

2-й авгур. Ты был ничем, Моктесума...

3-й авгур. Мы выбрали тебя за твои достоинства, мы вознесли тебя из праха к солнцу, которое господствует над землей...

4-й авгур. Девятнадцать лет назад ты был избран, маленький Моктесума, избран знатными принцами Мехико. И мы тебе сказали...

5-й авгур. Ты уже никогда не сможешь спрятаться или уйти, никогда не сможешь отрешиться от приговора: «Моктесума, тебе дана власть».

Хор авгуров. Моктесума, Моктесума, Моктесума, ты царь, ты властелин, ты владыка-солнце беспредельной империи, которую оставили тебе в наследство твои предки...

4-й авгур (каркает). Все империи верят, что будут существовать вечно!

Хор авгуров. Моктесума, Моктесума, царь, властелин, солнце...

1-й авгур. В чем ты каешься?

2-й авгур. В чем сомневаешься?

3-й авгур. Чего ты боишься?

Хор авгуров. Моктесума, Моктесума, Моктесума, что будешь делать со своей властью?

Моктесума. Что прикажут мне боги...

Хор авгуров. Все началось на небе...

5-й авгур. Ты не забывай этого, царь наш и повелитель. Истоки нашей жизни — на небесах, и тебе положено выполнять наказания неба на земле...

Моктесума. Пусть боги поговорят со мной. Я их выслушаю.

Хор авгуров. Моктесума, Моктесума, Моктесума, какому богу ты подчинишься?

1-й авгур. Мне, Уицилопochtли, богу войны...

1-й авгур сбрасывает белую мантию и является в одеждах бога Уицилопochtли: на голове — плюмаж из желтых и синих перьев гуакама²; вокруг бедер — сетчатая голубая ткань, унизанная колокольчиками; на ногах, разрисованных голубым, — золотые сандалии. В руках — щит, стрелы и стяг из перьев. Уши прикрыты голубыми перьями, на лбу — кровавое пятно.

Хор авгуров. Уицилопochtли, юный воин, явился из дыма пожара, в рычании тигров и в клекоте орлов...

Авгур Уицилопochtли. Я не зря ношу убор из желтых перьев, потому что заставляю восходить солнце.

¹ Термин «империя» применен здесь автором условно. Исторически так называемое царство ацтеков XVI века определяется как конфедерация трех городов-государств — Мехико (Теночтитлана), Тескоко и Тлаколана, — подчинившая себе и обложившая данью другие многочисленные индейские племена древней Мексики.

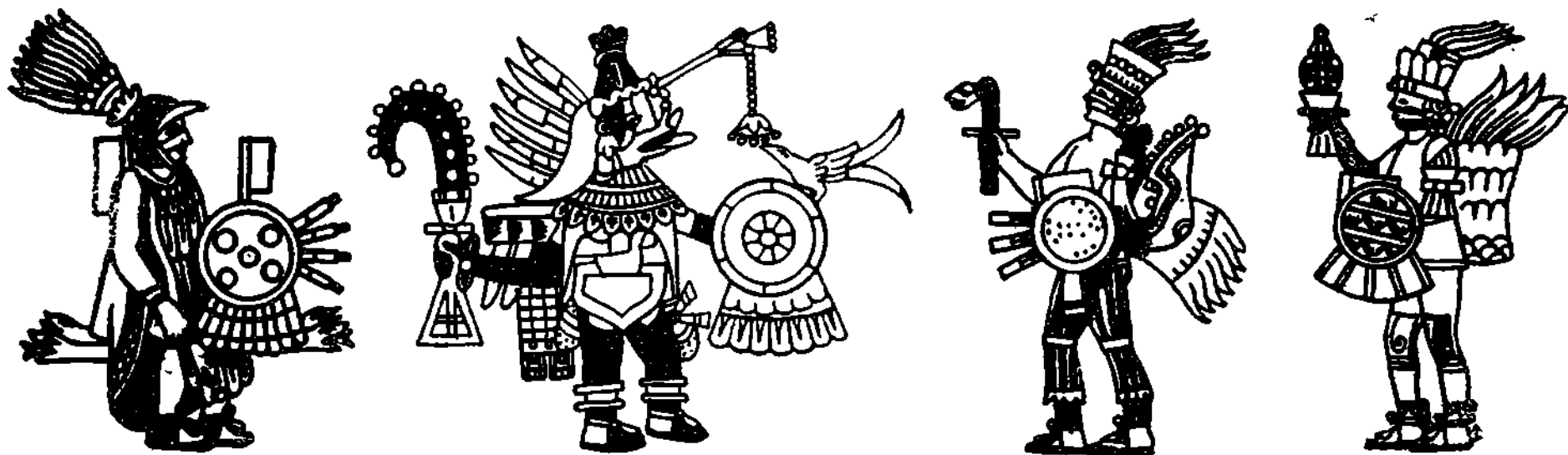
² Вид попугая с красно-желто-синим оперением.

Моктесума. Повторите мне истины, чтобы я продолжал в них верить.

Хор авгуров. Вот истина: твои подданные — это твое бремя, о всемогущий царь. Нет власти без подданных, ибо никто не властвует над пустотой...

Авгур Уицилопочтли. Как накормишь ты своих сынов, Моктесума, если не дашь им плоды земные? А как будет земля твоей, если ты не завоюешь ее руками своих воинов?

Хор авгуров. Подчини себе все соседние народы, Моктесума...

Авгур Уицилопочтли. Но, если ты и завоюешь всю землю, как будет расти на ней маис, который дает нам хлеб, и кактус-магей, который дает нам пьянящий напиток пульке, если солнце ее не согреет, если ветер ее не подметет, если дождь ее не увлажнит?

Хор авгуров. Бог Тонатлиу — солнце, бог Эка́тль — ветер, бог Тлалок — дождь.

5-й авгур. Служи многим и не будешь в услужении ни у кого.

Моктесума. Что же мне надо делать?

Авгур Уицилопочтли. Собери десять тысяч своих людей и брось их против земель, которые еще не поклялись тебе в верности, как мятежная Тласкала, или против тех, кто ропщет, как лукавая Семпоала. Уничтожь ее воинов, а тех, кого не убьешь, возьми в плен; пленных принеси в жертву на великой пирамиде Теночтитлана, твоей столицы. Клянись тебе, Моктесума, что солнце выпьет эту кровь и возродится на следующее утро.

Моктесума. А если меня одолевают слабость и лень?

Авгур Уицилопочтли. Утоли мою жажду, Моктесума, или солнце навечно уйдет отсюда и ночь овладеет твоими землями. Построй мне храм, Моктесума, чтобы весь народ знал, какого бога он должен чтить.

Хор авгуров. Тласкальцы — наши враги!

Авгур Уицилопочтли. Иди со мной!

Хор авгуров. Семпоальцы — наши враги!

Авгур Уицилопочтли. Иди со мной!

1-й авгур снова набрасывает на себя белую мантию.

Хор авгуров. Моктесума, Моктесума, Моктесума, что ты будешь делать со своей властью?

Моктесума (в отчаянии). Я буду слушать богов, буду слушать богов.

Хор авгуров. Моктесума, Моктесума, Моктесума, какого бога ты будешь слушать?

2-й авгур. Меня, Кецалькоатля, бога-наставника.

2-й авгур отбрасывает свою мантию. Он одет в наряд Кецалькоатля — Пернатого Змея: с головы, почти до полу, спускается длинный плюмаж из голубых и белых перьев, на плечах — чешуйчатая туника, лицо закрывает белая бесформенная маска.

Хор авгуров. Родился Кецалькоатль в солнечных землях, где люди рождаются в пламени жаровни и в огне семени.

Авгур Кецалькоатль ложится на землю.

Авгур Кецалькоатль. Однажды, искупавшись, я приник к земле, ласкал ее и играл с ней, и мое огненное семя изверглось на комья земли. Пыль ожила, и родились люди. Люди, которых раньше не было, благодарили меня за то, что я подарил им жизнь.

Хор авгуров преклоняет колени перед Кецалькоатлем.

Хор авгуров. Спасибо, спасибо, спасибо.

Авгур Кецалькоатль. Но из-за этого бог ночи стал завидовать мне — в своей тьме он ничего не мог создавать. Ночь питается растущей пустотой. Я создал людей в любви и для любви, в свете и для света.

Яркий луч освещает фигуру бога Кецалькоатля. 3-й авгур отходит от коленопреклоненного хора, откидывает белую мантию и остается в черной одежде. Лицо его закрашено черным, зверски оскалены зубы.

Хор авгуров. Тогда бог ночи сказал...

Авгур Тескатлипока. Кецалькоатль — это свет, и его сыны-люди родились из света. Но даже свет нуждается в отдыхе, и моя империя, ночь, освобождает от усталости все живое.

Авгур Тескатлипока спиной к зрителям наклоняется над лежащим Кецалькоатлем и что-то вырывает у него. Кецалькоатль вскрикивает от боли, корчится. Освещение тускнеет. Хор авгуров со стонами разбегается.

Сыны Кецалькоатля не будут лучше и совершеннее солнца, поэтому они, как и само солнце, захотят спать. И тогда я, Тескатлипока, демон сна, — стану властвовать над ними каждую ночь и насылать на них сны, которые заставят людей усомниться в доброте их создателя.

Хор снова собирается вокруг Кецалькоатля. Авгуры будто сеют, собирают урожай, обтесывают булыжники, шлифуют драгоценные камни, ткнут одежду.

Авгур Кецалькоатль. Днем я обучал своих сынов шлифовать яшму, сеять маис, держать ткацкие станки, красить ткани. (*Пауза. Хор ложится и засыпает.*) Но по ночам, когда все падали от усталости, я не мог управлять их видениями, сон отдалял их от меня.

Авгур Тескатлипока подходит к хору и приближает к лицу спящих нечто большое, длинное, обернутое золотой тканью.

Авгур Тескатлипока. Спящие, я спрашиваю ваши уши: видели ли вы когда-нибудь лицо отца вашего, Кецалькоатля? Это не ваше лицо, лицо тех, кто им создан; это лицо дочеловеческих времен. Если бы вы его увидели, вы умерли бы от ужаса. Вас много, он один. Вы родились и умрете, и ваши лица отразят прекрасную и непрочную людскую эпоху. Он же никогда не умрет: лик его страшен, потому что непознаваем; непознаваем, потому что вечен.

Авгур Тескатлипока приближается к авгуру Кецалькоатлю.

Авгур Кецалькоатль. Бог ночи подарил мне что-то, завернутое в ткань.

Авгур Тескатлипока передает авгуру Кецалькоатлю длинный, кажущийся тяжелым сверток. В руках последнего неожиданно оказывается зеркало.

Авгур Тескатлипока. Бог света взял подарок и посмотрел. Это было зеркало.

Авгур Кецалькоатль. Я взглянул в него, я, никогда не видевший своего лица.

Авгур Тескатлипока. Ты, создавший лица людей.

Авгур Кецалькоатль. То, что я увидел, ужаснуло меня. Мой лик не походил на людские лица. Если люди, мои творения, были божественным чудом, то я должен быть просто чудовищем. Если же я был богом, то мои сыны, столь непохожие на меня, должны были быть порождением ада.

Авгур Тескатлипока. Твое лицо было вечным, подобным зеркалу,—пустой бесконечностью. Подобным моему царству ночи. Ты увидел себя в зеркале и закричал...

Авгур Кецалькоатль. Если бы мои сыны меня увидели, они в страхе бежали бы от меня!

Авгур Кецалькоатль подбегает к чану с водой и пьет жадно, как разъяренный зверь.

Авгур Тескатлипока. В отчаянье от того, что ты не похож на свои творения, ты той ночью напился допьяна...

4-й авгур отбрасывает покрывало и оказывается обнаженной женщиной.

Авгур Кецалькоатль приближается к ней, заключает в объятья.

Авгур Кецалькоатль. Я нашел единственную женщину в своей обители, но она оказалась моей родной сестрой.

Авгур Кецалькоатль страстно прижимает к себе женщину — 4-го авгура.

Авгур Тескатлипока. Ты стал мужчиной, овладев родной плотью и кровью.

Авгур Кецалькоатль. Я стал мужчиной. Я стал человеком. *(Отталкивает от себя 4-го авгура. Женщина в изнеможении опускается к его ногам.)* И потому, что бог стал человеком, люди почувствовали себя свободными и сильными. Но они ощутили себя и виновными, ибо для того, чтобы получить свободу и силу, им пришлось смешать свет с тьмою, и прежде чем получить свободу, им надо было утратить ее.

Женщина-авгур осторожно, со страдальческим выражением лица кутается в покрывало — будто оно усеяно иглами. Авгур Кецалькоатль бросает на середину сцены большое продолговатое зеркало. Авгуры опускаются на колени перед зеркалом и, как собаки, лижут его. Авгур Кецалькоатль медленно спускается по авансцене к партеру. Затем, так же медленно и задумчиво, он идет в глубь зрительного зала, выходит.

Авгур Тескатлипока. Кецалькоатль бежал за моря...

Авгур Кецалькоатль *(появляясь слева на просцениуме)*. ...устыженный и печальный.

Авгур Тескатлипока. Он создал людей, но чтобы отличить их от бога, дал им свободу. Он дал им лицо — зеркало времени; время — отражение их устремлений; устремления, порожденные необходимостью.

Авгур Кецалькоатль. Бог не свободен в своих поступках, бог — это лишь начало начал, которое воплощается в мир, в воздух, во все, в ничто.

Авгур Тескатлипока. Желая улучшить свое творение и придать ему смысл, он не мог обойтись без моей помощи, без ночи, без сна, без зла.

Авгур Кецалькоатль. Ночь, сновидения, зло, из них вырастают желания и устремления.

Авгур Тескатлипока. С тех пор мы вместе правим людьми.

Авгур Кецалькоатль. Но я удалился из этих земель, я ушел за моря, на восток.

Авгур Тескатлипока. Кецалькоатль, белый бог света, рыжеволосый бог, ты не можешь существовать без моей непроницаемой чер-

ноты... Вот контраст, который, отвергая тебя, тебя же утверждает и выделяет...

Хор авгуров. Моктесума, царь, сделай так, чтобы свет снова вернулся в твою империю. Ты правишь людьми, а не камнями, и людям пужна не только ночь, но и день. Они хотят жить и любить по своему разумению в этом рискованном сочетании света и тьмы...

Авгур Кецалькоатль. Пока меня тут не будет, я буду желанным, я буду символом единства, созидания мира, иллюзий, утраченных этим народом... Я буду в каждой скульптуре, в каждом горном отроге, в каждой вспаханной борозде, в каждой сложенной песне, в каждом вдохновенном танце, в каждом посеянном злаке...

Авгур Тескатлипока. Не забывай о конечной судьбе своих благодетелей, Пернатый Змей: они желанны потому, что их нет; именно потому, что их нет — они желанны.

Авгур Кецалькоатль. Все же я когда-нибудь вернусь, я обещаю. И когда я вернусь в золотом отсвете солнца и океана, я спрошу по праву создателя жизни и участника жизни, по праву творца процветания и падения мира, творца великого единства начал и конца нашего мира, я спрошу, взывая к памяти людей, родившихся по желанию любви, а не по велению темной покорности: как вы воспользовались моими дарами? Что вы сделали с властью, данной людям?

Моктесума. Так что же мне сейчас делать?

Авгур Кецалькоатль. Очисти от грязи свою империю, Моктесума, откажись от преступных человеческих жертвоприношений и от войны, победи ночь, возроди свет, перестань опираться в своей власти на смерть, прислушайся к моему голосу: земля не может быть завоевана никем, потому что она принадлежит всем. Сколько сил надо затратить людям, чтобы возделывать одно поле маиса!

Моктесума. Ты вернешься?

Авгур Кецалькоатль. Да, с миром, если ты подчинишься мне; с огнем и мечом, если ты на это идешь и этого просишь.

Моктесума. Твое возвращение будет концом эпохи?

Авгур Кецалькоатль. А может быть, снова началом эпохи.

5-й авгур. Придет время, когда все мы станем рабами. И нынешние рабы, и те, кто правит,—все будем делать самую черную работу. Придет голод и принесет великий мор, который опустошит страну, погубит народ.

Авгур Кецалькоатль. Пусть эта предсказанная эпоха не будет твоей, Моктесума.

Уходит. Авгур Уицилопочтли в гневе снова сбрасывает с себя мантию.

Авгур Уицилопочтли. Эпоха Мехико и твоей империи не кончится, Моктесума, если ты будешь ее защищать. Не слушай голоса сомнения — ни одна абсолютная власть его не терпит. Сомнение уничтожает империю раньше, чем голод и болезни. Ты — царь и действуй как царь и путеводная звезда; не предавайся думам и сомнениям, будто женщина или раб.

Снова набрасывает на себя мантию. Моктесума падает на колени.

Моктесума. Что же мне делать? Что мне делать?

Голоса хора, затихающие вдали.

Хор авгуров. Моктесума, Моктесума, Моктесума, царь, властелин, солнце, как ты употребишь свою власть?

Долгая пауза, Моктесума берет метлу и снова принимается медленно мести.

Хор с жалобными стонами скрывается в глубине сцены.

Моктесума. Искушение, покаяние... (Отбрасывает метлу. В порыве скорби и раскаяния говорит об епитимье, которую наложил на

себя.) Твои грехи — это те хитросплетения и сети, в которых ты запутался, та бездна, в которую упал... Ты будешь до крови истязать свое тело шипами кактуса... Чтобы искупить содеянное зло, будешь дважды в день продираешься сквозь острую осоку: первый раз — вдоль ее рядов, второй раз — поперек, лицом к ее остриям... *(Вдруг с отвращением сплевывает, порывисто выпрямляется, опираясь на метлу.)* Нет, хватит. *(Пауза.)* Лучше скажи себе самому — кто ты, несчастный... И повторяй это тысячу раз — столько, сколько повторяешь слова покаяния: «Я — воплощение солнца, я — единовластный властелин...» Никто не может бунтовать против меня и против того, что я представляю. Империя сложена как великая пирамида, камень за камнем, ступень за ступенью. Я нахожусь на вершине, я — вершина. Кто восстанет против меня — не преступник, он — безумец... Вне моей власти и тех милостей, которые она источает, нет ничего, кроме безумия и смерти. Я — это все, вне меня — никто и ничто. *(Пауза.)* Почему же тогда я неуверен в себе? *(Пауза.)* Наверное, потому, что знаю истину нашего, человеческого происхождения и знаю также, как ее сокрыть, чтобы удержать власть, для которой я избран и которую должен представлять... Наверное, потому, что я использую и узаконенную мораль, и незаконные средства. Какая нелепость! Служить двум враждебным богам! Уицилопочтли! Кецалькоатль! Если бы они слились воедино! *(Несколько раз оборачивается вокруг себя.)* Боги! Почему вы отвели мне двойную роль — жертвы и палача? *(Пауза. Собирается с мыслями.)* Да, жертва; я не хочу нести ответственность царя, хочу умереть в унижении. Да, палач, я хочу остаться на троне, хочу убивать унижая. *(Вздыхает. Снова берется за метлу.)* Я могу только ждать и мести.

Входит Сиуакоатль. По голосу, виду, походке — человек. На нем роскошные одежды жреца.

Сиуакоатль. Повелитель... Всемогущий повелитель...

Моктесума медленно метет, не глядя на Сиуакоатля.

Сиуакоатль. Повелитель... Что ты делаешь?

Моктесума. Подметаю.

Сиуакоатль. Вижу, но не понимаю смысла.

Моктесума. Выметать.

Сиуакоатль. Но тогда в чем суть этого смысла?

Моктесума. Очищать.

Сиуакоатль. Дворец чист.

Моктесума. Но моя душа запятнана.

Сиуакоатль. Это прекрасно, когда владеющий всеми и всем знает, что тоже имеет душу. Большинство твоих подданных не знает, что это так. Остерегайся, как бы они не узнали слишком много, повелитель. Не обнажай своей души, Моктесума. Если царь станет понятным и доступным, это вскружит голову подданным. Они протянут руку к тому, что им неположено, и в конце концов решат по-своему, без всякого сострадания. *(Пауза.)* Слуги могут подмести твои хоромы.

Моктесума. А кто выметет мои проступки, кто?

Сиуакоатль. Никому не следует знать о них, кроме тебя самого. Никто не упрекнет тебя в них, кроме тебя самого.

Моктесума. Уйди отсюда, из ада, Сиуакоатль, у тебя — другие обязанности.

Сиуакоатль. Из ада, господин?

Моктесума. Я нахожусь в Миктлане, в царстве мертвых, и здесь я слышу голоса умерших. Только они говорят нам, живым, всю правду.

Сиуакоатль. Ты находишься в зале своего дворца. Отсюда ты не выходил.

Моктесума. Я должен знать будущее, чего бы это ни стоило. Я пришел сюда наложить на себя покаяние.

Сиуакоатль. Для царя это одна из форм безделья. Позволь мне ответить тебе твоими словами. У тебя — другие обязанности.

Моктесума. Посмотри на меня, нагого и унижающегося, посмотри в зеркало, Сиуакоатль. Кто мы без наших пышных, церемониальных одежд, разве не такие же бедняги, как все остальные бедняги империи? Кем бы ты стал без этой женской одежды, которую носишь?

Сиуакоатль. Возможно, никем, господин. Но я ношу женскую одежду только в силу древней традиции. Сейчас великий жрец — я, мужчина, но раньше священные деяния выполняла женщина. Когда женщины перестали выполнять высокий обряд, наши предки сочли опасным вслух говорить об изменениях в привычном ритуале. Ничто не должно меняться, если хочешь уцелеть. Да, в действительности изменилась суть, но народ видит только формы и привыкает к ним.

Сиуакоатль призывно машет рукой, поворачиваясь во все стороны. По его повелению входят придворные: воины, альбиносы, горбуны, карлики и три девушки, которые вносят одежды, сандалии и огромный плюмаж царя. Все молча занимают свои места. Девушки начинают одевать Моктесуму согласно ритуалу.

Моктесума. Ты — великий жрец, ты накладываешь епитимьи, верно?

Сиуакоатль. Но я накладываю их не на царя, а на его вассалов.

Моктесума. Так знай, что властелин опустил ниже всех своих подданных: они ни в чем не сомневаются, а меня точат сомнения. Они не безумны. Тогда, значит, безумен я? Значит, Моктесума — единственный восставший против Моктесумы? В таком случае Моктесума заслуживает пыток и смерти от рук самого Моктесумы. *(Пауза.)* Никто из моих предков не терзался сомнениями.

Сиуакоатль. Потому что их время предваряло твою эпоху. Твое же время — конец эпохи. *(Пауза. Секунду колеблется. Наконец решается.)* Твои подданные тоже сомневаются, повелитель. *(В страхе склоняется перед Моктесумой.)* Предсказания исполняются, ждать не долго.

Авгуры оживают, выползают из темных углов, встают, жестикулируют. Моктесума неподвижно стоит в горделивой позе, продолжается церемония одевания. Придворные уроды бегают по сцене, резвятся, корчат страшные гримасы.

1-й авгур. Каждую ночь мы видим огромное пламя, которое возгорается на востоке, растет и принимает форму огненной пирамиды...

3-й авгур. Что означает это пламя, авгур?

1-й авгур. То, что приближается время, когда должно исполниться предсказание Кецалькоатля...

4-й авгур. То, что Кецалькоатль возвращается сам, чтобы узнать, что сделали люди в его царстве...

5-й авгур. Ибо земля дана людям богами. Люди не хозяйева земли, а садовники...

1-й авгур. Среди бела дня в зеркалах отражаются звезды...

3-й авгур. То и дело кометы летают по небу...

4-й авгур. В озере около Мехико поднимаются огромные волны...

5-й авгур. ...словно озеро закипает...

1-й авгур. Волны бегут далеко и заливают жилища, сотрясают стены, даже рушат дома...

3-й авгур. Кто в этом виноват?

Хор авгуров. Моктесума!

1-й авгур. Ты, Моктесума, отец, властелин, царь, солнце, только ты виновен во всех тех бедах, от которых страдает индейский народ...

Хор авгуров. Твой народ — это твое бремя, повелитель. Никто не властвует над ничем, над пустотой...

3-й авгур. Ты, Моктесума, ты отвечаешь за порядок во Вселенной...

Хор авгуров. Мы тебе дали власть, пользуйся ею!

Моктесума. Кто видел то, о чем говорили?

Хор авгуров. Все!

Сиуакоатль. Не спеши, повелитель, — народ видит то, что хочет видеть, и то, что ему нужно видеть, если даже это и не существует...

Моктесума. Так кому же привиделись эти чудеса?

1-й авгур. Мне...

3-й авгур. Мне...

4-й авгур. Мне...

5-й авгур. Мне...

Моктесума, закончив ритуал одевания, отталкивает от себя девушек-прислужниц.

Моктесума. Выходит, все вместе видят одно и то же, а каждому в отдельности видится что-то свое? *(Пауза.)* Сиуакоатль, разошли соглядатаев по всему городу! Пусть найдут прорицателей и провидцев и притащат их ко мне.

Сиуакоатль. Будет исполнено, повелитель. *(Подает знак войнам, которые выходят.)*

Моктесума. Вот как... Им видится... Они осмеливаются видеть сны и мечтать...

Авгуры рассаживаются на сцене, стонут. Девушки подносят Моктесуме золотые бокалы, блюда с фруктами, дичью и мясом. Моктесума ест и продолжает говорить.

Моктесума. Так, значит, только на вассалов ты накладываешь покаяния, жрец? Я говорю тебе: царь — это всего лишь первый вассал. С какого другого подданного ты спросишь больше, чем с меня?

К Моктесуме приближается Карлик и пытается стащить кусок мяса с блюда. Сиуакоатль ударом ноги отшвыривает Карлика, подбирает кусок мяса и бросает его павлинам.

Я спустился в ад, чтобы поговорить со своими предками и богами. Предки мертвы, они говорят по праву первых создателей империи; на меня они возлагают ответственность за ее сохранение. *(Дает Горбуну выпить из своего бокала.)* Боги... боги — это начало начал, которые превращаются в мир, в воздух, во все, в ничто. Они сами мне об этом говорили. Они оспаривают друг у друга мою приверженность им, противоположным началам. Я же должен решать.

Уроды и шуты из царской свиты сгрудились вокруг Моктесумы и делают вид, будто слушают его с интересом, но только того и ждут, как бы полакомиться объедками с его стола.

Подчиненные мне народы с радостью взбунтовались бы против моей власти, они выжидают лишь удобного момента.

С досады Моктесума опрокидывает стол, уроды и шуты набрасываются на остатки его трапезы; павлины громко верещат.

Если я подчинюсь Кецалькоатлю, я оскорблю Уицилопочтли и сам позволю разгореться мятежам в подвластных мне землях, которые своей данью поддерживают нашу мощь. Если я подчинюсь богу войны, я оскорблю Пернатого Змея и подорву мораль, которую сам узаконил своей властью. *(Молчание. Он рассеянно смотрит на пиршество уродов и шутов.)* Иной раз, поверь, мне хотелось бы стать юношей, плененным в «Войне избранных»¹. Хотя бы один полный день я наслаждался властью, любовью и яствами без всяких забот — до того, как мне вырвали бы сердце на пирамиде.

Девушки преклоняют перед ним колена в порыве обожания.

Сиуакоатль. Есть такие юноши, которые предпочитают эту славную смерть жизни носильщиков, всю жизнь гнущих спину.

Моктесума медленно раздевает одну из девушек.

Моктесума. А почему ты думаешь, что царь — исключение?

Сиуакоатль. Безымянные судьбы можно изменять. Ты же не можешь заменить свою судьбу другой. Просто потому, что она единственная в своем роде, повелитель. Подобных ей нет.

Моктесума рассеянно ласкает грудь Девушки-прислужницы.

Моктесума. Я хотел уйти, Сиуакоатль. Опять хотел. Разве это не считается достаточной виной? Разве это не достаточное доказательство того, что избравшие меня ошиблись, что, может быть, я не желал быть всем, а желал быть ничем?

Сиуакоатль. Тебе некуда уйти. Империя обширна, но она — твоя. Где бы ты ни спрятался, ты будешь императором.

Моктесума обнимает девушку, две другие девушки-прислужницы загораживают их тонким покрывалом. Сиуакоатль выходит на авансцену.

В аду твоего воображения, в раю твоих желаний, в золотых подземельях твоего дворца или на обгаренной кровью вершине твоей пирамиды тебя будут посещать духи твоих предков и наших богов. Они напомнят тебе о том, о чем говорили самим себе на заре эпох и в зените своей славы: то, что создано, должно быть незыблемо, но то, что создано, — уязвимо. Всякому творению духа или рук человеческих всегда приходится противостоять жестоким и слепым силам природы, которые созданы раньше, чем мы, и сильнее любой человеческой воли. *(Пауза.)* Для этого и была придумана власть — чтобы поддерживать то, что создано людьми. Не важно, хороша ли власть или плоха, — она необходима. Без нее люди давно погубили бы друг друга — из-за ревности, честолюбия, плотоядности или страха. Власть по крайней мере избирает своих жертв и, убивая их, утоляет общую жажду крови. Лучше тысячи жертв на пирамиде, чем гибель всего человеческого рода. Власть всех означала бы смерть для всех. Власть одного — это смерть для некоторых и жизнь для большинства. *(Пауза.)* Твои предки, Моктесума, не требуют от тебя большего, чем они требовали от самих себя: развивать цивилизацию с ее

¹ «Войной избранных» у ацтеков назывался обрядовый турнир лучших воинов, который происходил в мирное время, но нередко заканчивался настоящим сражением между несколькими городами-государствами. Пленных приносили в жертву богам.

добром и ее злом — там, где была пустошь, где не было ни добра, ни зла, ничего.

Моктесума (*из-за покрывала*). Но как это делать, жрец? Миром или войной? Словом или действием?

Сиуакоатль (*склоняясь перед покрывалом*). Повелитель, прости меня, но ты терзаешься потому, что своей властью причиняешь зло людям. Сначала, мечтая о реальной власти, ты грезил о полном господстве. Но чтобы достичь и удержать власть, ты должен был частично поступить неограниченностью власти во имя жизненной необходимости. В конце же концов у тебя снова появился вкус к полновластью. Ты опять захотел быть средоточием всего добра и всего зла, источником всего счастья и всего несчастья. И вот, вернув свое бывшее величие, ты опять неизбежно начинаешь утрачивать власть...

Покрывало падает из рук девушек-прислужниц. Девушка, которая ублажала любовью царя, стыдливо отворачивается. Моктесума пристально смотрит на Сиуакоатля, но жрец преклоняет перед ним колени и показывает рукой на один из выходов.

Сиуакоатль (*шепчет*). Власть могут удерживать только посредственности, те, которые не сомневаются, не мечтают. (*Поспешно.*) Повелитель, к тебе привели мечтателей!

Моктесума поднимается на возвышение для трона. Входит Торговец, за ним Пастух. Оба прикрывают глаза руками, как в начале действия. Торговец в смятении бросается к ногам Моктесумы.

Торговец. О всемилостивейший повелитель и светлейший царь!

Моктесума. Ты кто?

Торговец. О повелитель, я — скромный торговец, падающий ниц перед твоим слепящим, как солнце, ликом...

Моктесума. Разве торговцы тоже бредят? Я думал, что их единственные грехи — это корыстолюбие и тщеславие, за что я их и наказывал....

Торговец. О всевышний повелитель, я не хочу ни гневить тебя, ни печалить! Но твой человек велел повторить тебе мой сон, — мол, ты того желаешь, да и мне это на руку...

Моктесума (*устало*). Говори. Если твой сон мне понравится, отпущу тебя с миром.

Торговец. Мир очень нужен бедному торговцу, простому разносчику товаров, который бродит по долинам и горам, взывая к милости богов и твоей, о посланец богов на земле, великий Моктесума...

Моктесума (*нетерпеливо*). Рассказывай, велю тебе.

Торговец. Случилось так, что я заснул и привиделся мне наш бог Кецалькоатль. Я тут же узнал его, потому что это был змей, существо земное, но летевшее по воздуху, а перья на нем голубые да золотые...

Пастух глядит на Торговца в комическом удивлении, отведя руки от глаз.

Пастух. Паршивый торгош украл у меня мой сон...

Торговец. И говорит мне Пернатый Змей: «Близится время моего возвращения. Если царь Моктесума примет меня как бога, все будут жить в богатстве и довольстве. Если царь Моктесума объявит мне войну, он сам умрет, и весь его народ умрет от голода, и не будет ни торговли, ни ремесел никаких, ни...»

Моктесума. Замолчи, несчастный. Ты только повторяешь то, что сам бог мне уже поведал.

Торговец. Но, светлейший повелитель, я же принес тебе добрую весть; я сказал богу, что ты, конечно, примешь его хорошо, потому что дворец твой полон добра, которое приносим тебе мы, торговцы, полон...

Моктесума. Замолчи, болван!

Торговец припадает головой к земле. Пастух шепчет ему.

Пастух. Хорошо еще, что ты не проболтался о наваждении, о тех морских чудищах, каких видел...

Моктесума. Говори ты, пастух.

Пастух. О всемогущий повелитель, отец наш! О, как я счастлив быть здесь, я, сирота-индеец, бродящий в поисках отца и матери, в поисках кого-нибудь, кто защитил бы меня и направил!

Моктесума. Говори, бедняк, что тебе пригрезилось?

Пастух (с невинным видом). Мой повелитель, пасу я свое стадо, как всегда, и вдруг с небес ко мне спускается орел, хватает меня в лапы и поднимает в небо...

Торговец (удивленно вскидывает голову). Орел?! Ведь он же нашел дохлого сопилота на лугу! (Снова опускает голову.)

Пастух. И увидел я тогда нашу землю с высоты, о всемилостивый царь, вот как ты ее видишь со своего трона. (Пауза.) Я увидел нищету, услышал плач, узнал о таких вещах, о каких раньше мне, бедняку, никогда бы не узнать. Я увидал, что очень мало людей имеет очень много всего — это были твои жрецы, твои воины, твои принцы...

Распростертый на земле Торговец дергает Пастуха за набедренную повязку, чтобы заставить его замолчать.

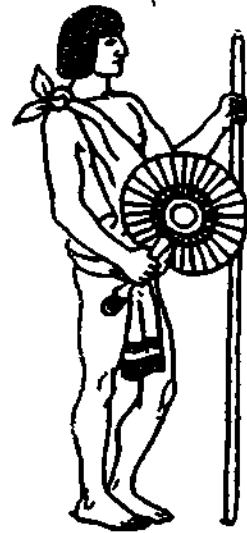
Я увидал много людей, желающих много вещей, для них невозможных, и это были мы, твой народ, твои бедняки, твои юноши, которых посылают на войну и на жертвенный камень; твои матери и жены, опечаленные смертью своих сынов и любимых мужей; твои старики, которые никак не забудут обещаний мира и божьей помощи, добрых дел и работы...

Торговец продолжает толкать Пастуха и шепчет ему.

Торговец. Молчи, дурак, нас повесят...

Пастух. Все это я видел, мой повелитель. Народ недоволен, ты этого и не знал. Приносит меня орел в ярко освещенную пещеру, и встречает меня там человек, окруженный сиянием. И человек этот мне говорит: «Я Кецалькоатль, создатель всех людей. Люди созданы не для того, чтобы воевать друг с другом, а для того, чтобы бороться с природой, которая им угрожает. Первые люди убивали, чтобы выжить. Царь Моктесума выжил, чтобы убивать. Но убивать моих сыновей, чтобы задобрить природу, — это значит перестать быть человеком и испортить творение рук моих. Мое имя не должно служить светлой маской, которая скрывает угнетение. Скажи это своему царю Моктесуме. Скажи ему, что я возвращаюсь. Скажи ему, что рядом со мной он — ничто».

Моктесума. Ничто?

Пастух (наивно). Рядом с ним, повелитель, ты — ничто!

Моктесума взмахивает рукой. Пастух опускает голову. Сиуакоатль вводит царя Тескоко.

Моктесума (удивленно). И ты, вождь, ты тоже...

Царь Тескоко выступает вперед. Это старик, одетый просто и благородно, опирающийся на посох. Моктесума сходит с возвышения, направляется к нему, обнимает его.

Моктесума. Ты, царь Тескоко, второй после меня человек в империи, ты, моя правая рука во всех завоеваниях, ты, дающий мне воинов... Ты тоже видел вещий сон?

Тескоко (*глядя прямо в лицо Моктесуме*). Не называй меня царем, Моктесума, ибо я больше не царь. (*Пауза.*) Ты знаешь: никто, кроме меня, не изучил так хорошо пути звезд и те истины, которые открывают нам их созвездия, их исчезновения и появления. Каждую ночь в моей обсерватории около озера я читаю на небе по звездам, как нас тому научили наши предки, которые следовали только законам неба.

Моктесума. Мы все почитаем науку неба, старик. Мы все знаем, что истина сокрыта в звездах.

Тескоко. Тогда поверь мне, сын мой, поверь моим сединам и моим правдивым речам: я говорю тебе, что пророчество начинает сбываться, что море, горы и даже воздух содрогаются и на востоке виден яркий свет и слышен шум, грохот, голоса, какие никогда еще не звучали в этих землях.

Моктесума. Что же ты намерен делать, почтенный вождь?

Тескоко. То, что я уже сделал: покинул свое царство, приказал своим военачальникам и воинам сложить оружие, чтобы они могли спокойно насладиться миром и властью то короткое время, которое у нас остается.

Моктесума заметно вздрагивает, отшатывается от царя Тескоко, отступающего в тень. Воины вводят, держа за руки, человека в богатых одеждах, за которым следуют жена и двое детей. Это Цомпантекучтли.

Он отворачивается, чтобы не встретиться взглядом с царем Тескоко.

Моктесума. Мой советник тоже видит сны?

Цомпантекучтли. Эту свободу ты еще оставил нам, повелитель.

Сиуакоатль. Советник Цомпантекучтли видит сны наяву, о светлейший царь. Его схватили, когда он со своей семьей громогласно плел заговор против тебя.

Моктесума. Плел заговор? Громогласно? Мог бы не утруждать себя. Даже пастухи и торговцы участвуют в заговорах, не раскрывая рта.

Торговец с ненавистью смотрит на Пастуха, тот блаженно улыбается.

Цомпантекучтли. Но как же иначе высказывать на нашей земле пожелания, которые ты сам не изволил высказать, повелитель?

Моктесума. Высказывать? Пожелания? О чем ты говоришь, советник? Истина высказана в моем царстве раз и навсегда. Никто не может ее изменить. Это истина богов.

Цомпантекучтли. Тогда взгляни на разгул смерти за стенами твоего дворца. Разве боги приказывали, чтобы дети, рожденные под своим священным знаком, приносились в жертву?

Моктесума. Почему бы и не боги, советник? Или ты полагаешь, что от этих жертв зависят мое личное благополучие или мое личное счастье? Я только выполняю волю богов: смерть нескольких юношей задержит или, по крайней мере, отдалит гибель всего света.

Цомпантекучтли. Разве боги затеяли этот фарс, который твои жрецы и воины называют «Войной избранных»,— когда даже в мирное время ты можешь отрывать юношей от их народов, от их женщин и от их работ для того, чтобы устраивать кровавый пир на твоей пирамиде?

Моктесума. Боги...

Цомпантекучтли. Нет, власть — чтобы преступлениями внушить страх тем, кто уже не может терпеть...

Моктесума. Не может терпеть чего — власти или преступлений? Выражайся ясно, советник, это твое призвание.

Цомпантекучтли. Ты сделал так, что знамение власти отражается в зеркале преступления.

Всеобщая тревога, приближаются воины. Моктесума улыбается, задерживает их движением руки.

Моктесума. Продолжай, советник. Задавай мне еще вопросы.

Цомпантекучтли. Я уже не говорю о мелочах, о них ты не любишь упоминать: ты караешь смертной казнью служителя, который вдруг появится в запретном зале твоего дворца; танцовщика, который вдруг ошибется в ритуальном танце, и даже любого человека, который, не имея на то права, наденет короткую тунику. *(Пауза.)* Разве и обо всем этом пекутся боги? *(Пауза.)* Ты унижил смерть, повелитель. Ты сделал смерть смешной, жалкой, пошлой, присутствующей при всех ничемных действиях твоих запутанных ритуалов. Ты взываешь к богам, это так — но лишь для того, чтобы узаконить свой единственный в своем роде царский долг — не перед людьми и не перед богами, а перед кастой жрецов и воинов, которые посадили тебя на трон именно потому, что видели в тебе покорного человека, готового защитить их привилегии. У тебя — безмерная власть, только она не твоя, ты обязан ею своей касте.

Долгая пауза.

Моктесума. Я докажу тебе, что я независим и беспристрастен. Скажи, что мне следовало бы сейчас делать?

Цомпантекучтли. Это, без сомнения, ты знаешь и сам.

Моктесума. Да, я знаю. Мы воздвигнем золотой храм богу Уицилопочтли, нашему богу войны. Мы отделаем внутренность храма яшмой, украсим перьями птицы кецаля — все должны осознать свой долг, долг ублажать бога, который нас защитит от любого врага... Как тебе это нравится?

Цомпантекучтли. Господин мой и повелитель... твоя затея неудачна. Ты разоришь свой народ и оскорбишь небо. Ты должен знать, что бог, к которому ты обращаешься, не всегда будет с нами и что скоро должен прийти хозяин всей земли и творец человечества.

Моктесума. Я вижу, создается враждебный отряд в нашем царстве.

Цомпантекучтли. Пернатый Змей — не отряд. Это начало начал, это принцип, который отрицается в твоём царстве.

Моктесума *(едва сдерживая гнев)*. Откажись от своих слов, дерзкий советник, иначе будет поздно. Власть в Мехико едина и неделима.

Цомпантекучтли *(взглянув на Моктесуму с презрением)*. Бойся не слов, повелитель, страшись действительности. Кецалькоатль — это начало добра, которое ты отрицаешь своими действиями. И добро это — есть действительность, затаенная, робкая, придавленная, смутная, но существующая. Она живет в груди каждого человека, рожденного на земле. Кецалькоатль вернется. И его возвращение напомнит людям об их происхождении, людям, озверевшим от гнета. Это напоминание воплотится в намерение: они захотят стать хозяевами собственной жизни, убежать от капризов царя.

Моктесума поднимается на возвышении. Повелительно взмахивает рукой. Сиуакоатль впускает на сцену вооруженных воинов, которые врываются, как звери, бегают, кружа по сцене, что-то вынюхивая. Авгуры остаются на своих местах, но машут руками. Пастух и Торговец визжат. Семья Цомпантекучтли обнимает отца. Старый царь Тескоко выпрямляется, молчаливый и полный достоинства.

Моктесума *(кричит)*. Убить их!

Карлики, альбиносы, девушки и горбуны в страхе разбегаются, хватая павлинов. Воины набрасываются на авгуров, Торговца, Пастуха, царя Тескоко, Цомпантекучтли и его семью, колят, рубят, убивают ударами палиц и кинжалов.

Цомпантекучтли. Несчастный город во власти иллюзий... Несчастная земля, где сомнения господ находят выход только в преступлениях...

Моктесума (*кричит*). Убейте их, убейте сны и видения, кончайте с фантазерами!

Плач и крики умирающих. Окровавленный царь Тескоко направляется, шатаясь, к центру сцены, будто хочет что-то сказать, но падает ничком к ногам Моктесумы.

Моктесума (*в растерянности*). О старик, провидец.

Бродит, опустив голову, среди трупов. Долгая пауза. Воины уходят.

Сиуакоатль. Всемогущий повелитель...

Моктесума (*рассеянно*). Да, да...

Сиуакоатль. Охотники принесли тебе дары.

Моктесума. Мы остались одни, жрец.

Сиуакоатль. Охотники... дары...

Моктесума. Мы остались одни... Я не хотел, чтобы так случилось...

Сиуакоатль. Ты царь. Ты должен... идти на это, чтобы твои наследники не падали духом, чтобы не прерывалась цепь власти.

Сиуакоатль приглашает охотников, которые втаскивают большую серую мертвую птицу, похожую на журавля. Охотники подходят к Моктесуме, преклоняют перед ним колена, кладут птицу к его ногам, стараясь не глядеть на царя.

Моктесума (*подавленно*). Опять мечтатели и фантазеры?

Сиуакоатль. Нет, повелитель, это охотники... Они сегодня утром убили эту птицу...

Моктесума. Журавль...

Сиуакоатль. Но у него на голове круглое зеркало...

1-й охотник. ...и в зеркале, о великодушный царь, отражается небо...

2-й охотник. ...и звезды тоже...

Сиуакоатль поднимает голову птицы. Яркий блеск слепит Моктесуму. Теперь он сам должен прикрыть глаза руками. Отступает назад. Спотыкается о труп Цомпантекучтли, пачкает руки в крови советника. Смотрит на свои руки в полной растерянности.

Сиуакоатль. Не читай будущее по своим рукам, повелитель, они суть плоть человеческая. Лучше взгляни на это чудо небесное.

Моктесума устремляет взгляд на зеркало, кричит.

Моктесума. Толпы людей!..

Начинают освещаться отдельные секторы зрительного зала: проходы, балконы, выходы и т. д. Там показываются под звуки заунывных религиозных песнопений конкистадоры: Кортес, Альварадо, Олид, Ордас, Портокарреро, Сандоваль, Серменьо, Эскудеро, солдаты, монах Бартоломе де Ольмедо; появляются пушки, аркебузы, арбалеты, а также лошади и собаки...

Неизвестные животные... Люди и животные, слитые воедино в страшные чудовища; толпы белых людей...

Бессильно опускается на землю. Через зрительный зал, задыхаясь, бежит Гонец, направляется к сцене, падает ниц перед лежащим монархом. Пауза.

Гонец. Повелитель, всемогущий повелитель, властелин всех земель...

Гонец и Моктесума лежат на сцене, оба в одинаковых позах: одинаковые люди глядят друг другу в глаза, забыв о церемониале.

Моктесума. Ты откуда?

Гонец. С берегов, всемилостивейший царь, четыре дня и четыре ночи бежал я без устали, чтобы своим языком сказать тебе то, что слышал собственными ушами...

Моктесума. Тебе тоже что-то привиделось?

Гонец. Я видел, повелитель, как плыло по морю и пристало к берегу множество каких-то домов. С них сошли люди, одетые в серебро или камень, и разглядеть у них можно было только лица, а лица были белые, глаза серые, волосы рыжие, бороды длинные...

Моктесума начинает подниматься, каждое слово Гонца действует на него, словно живительное дуновение ветра.

И они слиты воедино с животными о четырех лапах, проворными, которые пускают дым из ноздрей и оставляют глубокий след на песке. Их оружие извергает изо рта гром и молнию. Уши мои чуть не лопнули от этого грома... А воздух наполняется страшным зловонием... А шары из их оружия разносят деревья в щепы...

Моктесума. Ты говорил с ними? Узнал, кто они?

Гонец. О непобедимый повелитель, не спрашивай меня о том, что знаешь сам... Вернулся Кецалькоатль. Среди нас снова появился бог, который нас сотворил... Пришли боги — теулы.

Моктесума улыбается, поднявшись во весь рост. Кажется, будто он сбросил с себя невыносимо тяжелый груз.

4

Берег Мексиканского залива. Полная тьма. Шуршание метущей метлы. Постепенно его заглушают шумы и шорохи тропической ночи. Их перекрывает затем частое дыхание влюбленных. Тусклый свет. На покрывале — обнаженные мужчина и женщина. Это Кортес и Марина.

Кортес. Кто ты, женщина?

Марина. Дар, принесенный тебе вождями Табаско вместе с четырьмя диадемами и золотыми ящерицами. Я — добыча, захваченная на этих берегах. (Пауза.) А ты в обмен на дары и на меня предлагаешь им какую-то другую женщину. Кто она?

Кортес. Это не женщина. Это образ нашей святой девы с ее святым младенцем на руках.

Марина. Все говорят — она женщина.

Кортес. Она — дева.

М а р и н а. Дева? И имеет младенца? Не понимаю, господин. То, что ты говоришь, противно природе. Ты поклоняешься идолам?

К о р т е с. Это таинство. Тебе не надо этого понимать. Тебе надо повторять и верить.

М а р и н а. Конечно, девушки — тоже женщины, и в наших землях они приносятся в жертву, умирают прежде, чем стать настоящими женщинами. И это таинство, но главное — слишком большая расточительность.

К о р т е с. Мария — на небесах, она — мать нашего господа бога.

М а р и н а. А все видят в ней женщину, называют Великая Тесигуата, что по-нашему означает «великая госпожа».

К о р т е с. Где бы я ни проходил, я велю делать ей богатые алтари. Она нам покровительствует с небес.

М а р и н а. Это хорошо, когда великие госпожи не трогаются с места.

К о р т е с (смеясь). А ты сама откуда явилась?

М а р и н а. Не с неба, господин. С небес я не могла бы покровительствовать или служить тебе. Я родилась на земле, неподалеку от больших рек, но под дурным знаком. Мои родители царской крови, но оракул предупредил их: «Дочь ваша родится под знаком Се-Малиналли, под знаком злой судьбы, распри и ссор, пролитой крови и недовольства». (Пауза.) Ах, господин, предсказания всегда исполняются, если произносятся вслух. Если их никто не оглашает, они остаются погребенными в самых глубоких тайниках человеческого разума. Только молчание предотвращает беды. Сказать о них громко — это все равно что дать им жизнь. Назови зло злом, любовь любовью — и ты сотворишь их. Вырвешь их из сна, в котором покоятся силы природы, пока ты их не призовешь. (Пауза.) Мы виновны в том, что тревожим сон, который нас окружает. Всё в мире мы приговариваем к долгому бдению. Мы думаем, что спим, но мы разбужены навеки, и потому смерть кажется нам облегчением — мы возвращаемся ко сну. Мы пришли на землю, чтобы внести разлад между вещами, которые пребывают во сне. Они только спят, только существуют, но не живут, пока мы не скажем им: «Ты — добро, ты — зло, ты — счастье, ты — несчастье». Так была названа и я еще до рождения, и потому все действия мои уже были предрешены. Силы мира перевоплощаются под нашими заклинаниями, господин. Они теряют первоначальное назначение цветка, плоти, камня, воды... и рядятся в людские одежды, подчиняются судьбе, которую им готовит наше слово... (Пауза.) Знак моей судьбы испугал родителей. Однажды ночью меня отдали народу Хикаланго и пустили слух, что я умерла. Случайно этой же самой ночью умерла девочка, дочь рабов моих родителей. Они сказали всем, что умерла я, их наследница, и было похоронено мое имя, но не мое тело. Я была отдана народу Хикаланго, а оттуда попала к вождям Табаско, и они подарили меня тебе, господин. Для всех я рабыня. Мое имя сгнуло с трупом той девочки.

К о р т е с. Мы будем звать тебя Мариной, а когда встретим твоего отца и твою мать, окрестим их и дадим имена Лазаря и Марии.

М а р и н а. Окрестите, господин?

К о р т е с. Дадим им имена. Имена, угодные господу богу.

М а р и н а. Одному-единственному богу?!

К о р т е с. Да, мы заставим их раскаяться в родительском грехе, в том, что они отказались от своего ребенка.

М а р и н а. В грехе, господин? Но благодаря поступку моих родителей оправдалась моя судьба.

К о р т е с. Ты встретила меня...

М а р и н а. Да, и веду тебя по этим землям, которых ты не знаешь. Пусть Великая Тесигуата покровительствует тебе на небесах, а я буду оберегать тебя на земле.

Кортес. Ты говоришь, твой знак — война?

Марина. Ты будешь воевать, господин, не сомневайся; и рука твоя сильна, я знаю. Но тебе нужен тот, кто владеет ключами от моря и от гор, кто знает мечты и горести этих земель, их мощь и слабость, а также их страхи. *(Пауза.)* У тебя есть дома, плавающие по морю, есть животные о четырех лапах, никогда не виданные нами; есть огненные копья, да. Но не забывай, у тебя есть также я...

Кортес. Марина...

Марина. Так называешь меня ты. А как будет звать меня мой народ?

Кортес. Я взял тебя для себя. Ты — моя жена.

Марина. Нет, господин. Я — только твой голос.

Пауза. Кортес встает и начинает одеваться. Марина, обнаженная, остается лежать. В то время как они разговаривают, Кортес надевает белую блузу, черные штаны.

Марина. А ты, господин, ты кто?

Кортес. Я солдат. Учености немного — долгов хоть отбавляй.

Марина. А ты не принц в своих землях?

Кортес *(хохочет, удивленный)*. Я? Принц? Скажи спасибо, что мне удалось побывать в университете Саламанки и прослыть образованным. Нет, принцы не едут в Новый Свет, женщина. Они — хозяева Старого Света. Там у них свои войны, свои интриги, свои дворцы и свои симпатии. Пора тебе знать, что Новый Свет открыт для нас, для тех, у кого ничего нет. Могу побиться с тобой об заклад: никогда испанский король не будет пахать на этих землях, завоеванных нами для его потомства. *(Пауза. Кортес на секунду умолкает, мечтательно глядя вдаль.)* Один только дон Ничто может променять все прелести Испании на лишения и опасности этих диких земель. Сам я из Эстремадуры. Родился в городе Медельине. Запомни эти названия, Марина, это мои корни, которые я не оборвал. Солнечный свет там золотистый, а земля красная; на колокольне церкви Святого Мартина вьют гнезда аисты. Деревня моя прилепилась к крутому склону, над самой рекой Гуадианой. Ты говорила о знаке, под которым родилась? *(Смеется.)* В год, когда родился я, было затмение солнца, был мор и наводнение... По крайней мере, так говорили старики. Реки выходили из берегов, заливали дома, сады, виноградники. Но наш народ крепкий, он привык силой отбирать у земли ее плоды, а также менять, когда надо, мотыгу на шпагу. Отец мой был капитан, участвовал в войне против мавров — капитан Мартин Кортес. Мать моя, Каталина, была женщина честнейшая, богобоязненная, работающая, скромная. Были у родителей мельница, виноградник да пасека. Сколотили они деньги и послали меня учиться в университет Саламанки. Лучше бы вложили деньги в дело повыгодней. Был я в университете заядлым гулякой и бездельником, зубрил немного латынь, но больше увлекался повестями о рыцарях, учившими отваге и чести, и рассказами о Новом Свете, учившими мечтать о городах из золота и воинственных амазонках. *(Пауза.)* Представляешь себе? Мне было семь лет, когда Колумб открыл Антильские острова, и с тех пор перед моими глазами всегда стоял Новый Свет.

Марина. Это ты для нас новый, непонятный.

Кортес. Мне осточертела учеба, женщина. Я бросил все и стал переписчиком у нотариуса в Вальядолиде, изучил каллиграфию. Во всяком случае, сумею приложить руку ко всему, что нам тут еще встретится. *(Пауза.)* Домой я вернулся без гроша в кармане. Родители расшвыряли, решили сделать меня моряком. Я влюбился в замужнюю женщину. Ревнивый муж кинулся на меня со шпагой. Я удрал, спрыгнув с полуразрушенной стены... Еще чуть — и свернул бы себе шею, и мы никогда бы не встретились! *(Смеется.)* Таков я, кабальеро без всякого уме-

ния и разума, который в девятнадцать лет ушел из дому, чтобы отправиться в Индию... *(Пауза.)* Ты думаешь, если бы у меня было сто тысяч дукатов дохода в год, большой дом в Мадриде или поместье с садами в Гуаренье... Винные погреба... Женщины, которых я всегда обожал, а иногда и любил... Разве я пустился бы в эту авантюру?

Марина. Да.

Кортес. Что ты сказала?

Марина. Да. Я думаю, что несмотря на все ты оказался бы здесь.

Кортес *(в сомнении)*. Возможно, ты и права. Но я об этом не думал. Факт тот, что я приехал из Испании на Кубу, изгнанный из родительского дома за нерадивость, а теперь прибыл с Кубы в эти земли бесславным скитальцем, послав к черту долги да бедность. Нет, ты не думай, у меня было немало здоровых индейцев и хорошая усадьба; я нажил и то и другое, правда, не без труда, потому что был весьма беспокойным жителем Эспаньолы¹, а потом не менее беспокойным служакой при дворе Диэго Веласкеса, губернатора Кубы. И золота добыл я немало из рудников. Но все растратил на свою персону, и любовные приключения, и на платья своей жены, когда, увы, пришлось жениться, и на многих незнакомых гостей, которые меня одолевали, — гостеприимство и вкус к веселой жизни всегда мне были присущи! Эх, пропади все пропадом! И мое имение Сан-Хуан-де-Баракоа, и моя энкомьенда², и моя супруга. Выбрал меня предводителем этой рискованной экспедиции жирный губернатор, который хотел добыть славу, не решаясь на подвиг. Он желал присвоить чужую славу, арендовав одиннадцать каравелл и назначив первым капитаном эстремадурца — человека, по его мнению, хитрого, высокомерного, тщеславного и мстительного. Ну что ж, я прибавил к своим прежним долгам новые, разоделся в пух и прах — в шелк и бархат, напялил свой шлем с султаном из перьев, навесил на себя все свои медали и золотую цепь, и вот, наконец, я тут, перед тобой, бравый капитан собственной персоной. Представляю тебе, Марина, дон Фернандо³ Кортеса. *(Весело смеется.)* Иногда я думаю, что болван Веласкес, который родился где-нибудь в свинарниках Куэльяра, затеял эту экспедицию, чтобы избавиться от меня. Случись мне утонуть во время бури, погибнуть в сражении или попасть на обед дикарям — и не доведется мне поиздеваться над тупостью и ленью губернатора. Ха-ха! Он думает: если поход удастся, вся слава будет его, а если не будет удачи, позор падет на меня. *(Сжимает кулак и поднимает руку вверх.)* Как бы не так, Марина, не сбудется его мечта. Здесь превыше всего воля и судьба бедняка идальго из Медельина. У меня было много передраг в жизни, они меня закалили. Я сломал замок тюрьмы, куда Веласкес бросил меня за бунтарство, пристукнул спящего стражника, отобрал у него шпагу, вылез в окно и был таков. А когда мне пришлось спасаться от ярости семьи, честь которой была поругана моим легкомыслием, я оделся слугой и плыл против течения по реке Макагуанигуа. Утони я тогда — и никто бы не ведал, где я. *(Пауза.)* Теперь я знаю: не будет у меня другого такого шанса, как этот, и придется дешево продать свою жизнь, если в этот раз я не решусь поставить ее на карту. Прощай, Испания! Прощай, Куба! Прощай, долги! Прощай, бестолковая жизнь, проказы и детские шалости! Я пришел в Индии не для того, чтобы повторить жизненный путь моего бедняги отца в Эстремадуре. Я пришел, чтобы вырвать у Нового Света во сто крат больше благ для нового человека. *(Пауза.)* Я — дон Ничто, и мне нечего терять. *(Пауза.)* И все средства хороши, чтобы стать чем-нибудь и кем-нибудь. *(Пауза. Кортес*

¹ Остров Гаити в XV веке получил название Ла Эспаньола.

² В испанских колониях Америки — индейское поселение, жители которого работали на испанского землевладельца — энкомендеро.

³ Фернандо — полное испанское имя, Эрнан — сокращенное.

снова смеется, затем говорит с горькой решимостью.) Блудный сын больше не вернется в родимый дом с пустыми руками.

На сцену выходят три военачальника, одетые в латы: Педро де Альварадо, Гонсало де Сандоваль и Алонсо Эрнандес Портокарреро.

Сандоваль. Капитан...
Альварадо. Фернандо...

Кортес протягивает руку одному, прижимает к груди другого и хлопает по плечу третьего. Марина прячется в покрывалах.

Кортес. Сандоваль... Верные друзья... Альварадо... Мои brave капитаны... Портокарреро... Все земляки мои, эстремадурцы.

Альварадо. Нельзя терять времени.

Портокарреро. Местные индейцы нас атакуют.

Кортес. Разве им не сказали, что мы пришли к ним с миром?

Сандоваль. Сказали и даже обменяли наши стеклянные четки и зеркала на низкопробное золото, которое дали нам их вожди.

Альварадо. И все же они нас теперь атакуют.

Кортес. Быстро. Где мои доспехи?

Три военачальника надевают на Кортеса шлем и латы.

Кортес. Индейцы никогда не видели мушкетов и самострелов. Верно, донья Марина?

Марина высовывается из-под покрывала.

Марина. Да, это так, господин. Мы принимаем огонь твоего оружия за колдовство.

Кортес. Тогда мы сделаем так, как сделал король дон Фернандо под Рондой, где он пороховыми залпами до смерти напугал мавров и отбил у них всякую охоту сражаться. Сначала стреляйте в индейцев, посейте панику и только потом выпускайте кавалерию. Мы пришли в дикие земли, сеньоры. Здесь, как видно, не знают ни лошадей, ни колес...

Марина. Колдовство...

Кортес. Альварадо, прикажи всадникам всю орудовать копьями, а если встретят сопротивление, пусть зажмут копья под мышки, дадут шпоры коням и на скаку давят наглых дикарей. Да, не забудьте повесить колокольчики лошадям на шею — для пущего страха.

Сандоваль. Самое опасное у индейцев — их острые мечи.

Кортес. Избегайте рукопашного боя. Лошади и пушки, сеньоры, пушки и лошади. Избегайте индейских мечей.

Портокарреро. Они держат мечи в обеих руках и орудуют ими очень ловко.

Кортес. Ничего им не сделать против кастильской стали!

Альварадо. Но нас мало, а их уйма.

Кортес. Поэтому всегда надо быть начеку и все знать. После бога, который нас охраняет, мы сами себе — лучшая защита. Долой все сомнения, вперед на врага!

Четыре вооруженных военачальника уходят. Марина остается одна на сцене, протягивает вперед руку.

Марина. Господин, послушай меня, господин! Когда кончится сражение, похорони своих мертвых. (Пауза.) Народ мой не должен видеть, что твои люди смертны.

Марина встает и, завернувшись в покрывало, спускается на авансцену. В глубине сцены быстро сменяют друг друга свет и тьма, сталкиваются кастильские стяги и индейские знамена из перьев, слышится визг индейских флейт, свист раковин и бой барабанов, удары клинков, грохот пушек и

мушкетов, ржание лошадей и жужжание москитов. В разгаре битвы, еще не очнувшись от боя, появляется испанский Солдат, останавливается в центре сцены.

1-й солдат. Сбежались все индейцы, вооруженные до зубов. У всех у них луки, стрелы, копья, такие же длинные, как наши, и другие, поменьше; щиты, и палицы, и мечи в обеих руках, и камни, пращи и всякое другое оружие из веревок, трубы и барабаны... У одних лица раскрашены черной краской, у других — белой и красной... Идут они плотными рядами...

Марина. Не раскрывай своих секретов, господин, а я выдам тебе тайны моей родины. Ты из моих уст все узнаешь о ней, она ничего не узнает о тебе — одну ложь, которая поможет твоей победе. Ты — обычный, смертный человек, но мои уста сделают тебя богом и бессмертным.

1-й солдат. И они начали осыпать нас стрелами, поддевать копьями... Мы многих убили из мушкетов, но они обрушили на нас ливень стрел.

Марина охватывает себя руками.

Марина. О Малинцин, бедная сирота, бедный подкидыш! Ты нашла свою судьбу в знаке своего происхождения: война и кровь. Ты нашла свой утерянный и желанный дом в сильных объятьях рыжеволосого смеющегося мужчины, на его белокожей груди, у его мускулистых бедер. Бедная Малинцин, окрещенная Мариной, теперь ты богата: тело твоего мужа — это земля, которой ты владеешь.

1-й солдат. На полях, где мы сражаемся, — тучи крохотной саранчи, которая мечется, бьет нам в лицо. Масса индейцев сыплет тучи стрел, а нам кажется, что это летит саранча, и мы не прикрываемся щитами, и стрелы нас ранят. Иногда же мерещится — летит стрела, а на самом деле саранча мелькает перед глазами... (Пауза.) Тяжко, ох, тяжело нам было сражаться.

Марина. Служи, женщина, служи своему мужчине, и ты послужишь себе. Вспомни историю своей родины, вспомни имя древней богини, которая дала тебе свое имя: Малинаксочитль, жрица зари, владычица диких зверей, которые помогали ей поработать мужчин и подчинять их желаниям ее любви, жестокой любви, вечной любви, властной любви, дьявольской ночной любви. Вспомни, как кровавый бог Уицилопочтли победил и казнил волшебницу, которая повелевала миром, и вместо жестокой женской любви навязал жестокую мужскую войну. Прекратилось господство женщины на этой земле, и началось господство мужчины.

1-й солдат. Но вскоре мы сбили их воинственный пыл пальбой из мушкетов и грохотом пушек. Наши кони нагнали на них страху, хотя они еще долго держались. Потом мы загнали их в трясину неподалеку от деревни.

Марина. Может быть, мое предназначение в том, чтобы восстановить утраченную власть любви и женщины, помогая победам белого человека? (Хватается руками за горло.)

1-й солдат. Они ранили одного нашего хорошего скакуна. Сегодня ночью я вылечу его кровью и жиром убитого индейца.

Солдат медленно удаляется, свет и шумы гаснут, падают побежденные индейские знамена, развеваются кастильские флаги.

Марина. Твое семя душит меня, господин, твоё семя наполняет меня, оплодотворяет меня, оmyвает меня... Я хочу иметь от тебя сына, сына наших обеих кровей...

Падает на колени. Длинная пауза. Слышатся заунывные религиозные песнопения. На сцену выходят с одной стороны два посланца Моктесумы, нагруженные дарами; с другой стороны — шесть испанских

солдат, победоносных, но едва не падающих от усталости: они садятся, растягиваются на земле. За ними выходят Кортес, Сандоваль, Портокарреро, Альварадо, Олид, Ордас и Писарь... Кортес останавливается в центре сцены, рядом с коленопреклоненной Мариной. Протягивает ей руку, она дает ему свою. У Кортеса в другой руке стяг с крестом и надписью «Под знаком его — побеждаешь». Отпускает руку Марины. Вытаскивает из ножен шпагу и трижды взмахивает ею. Его движения и торжественны и поспешны.

Кортес. Святой крест принес нам победу, такова воля нашего господина бога. Во славу его мы зложим здесь город, назовем святым именем Вилья Рика де ла Вера Крус¹ и поднесем его великому королю дону Карлосу, которого здесь представляем.

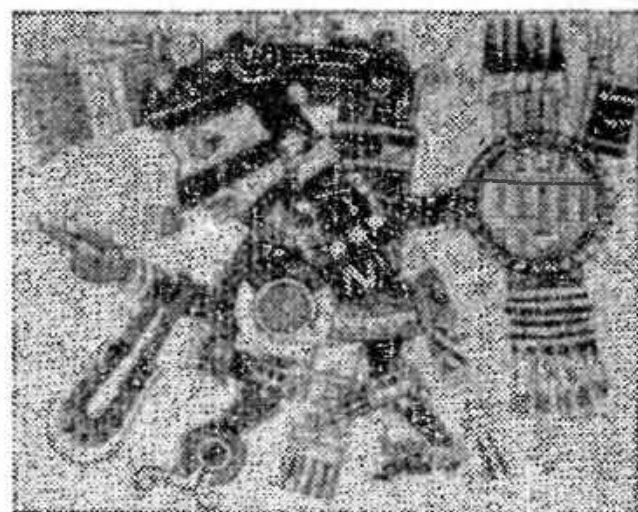
Марина смотрит на Кортеса; слышен легкий ропот солдат.

Писарь, садись и пиши. Надо наметить границы селения, отвести места под жилища. Пусть возведут позорный столб и виселицу — символы власти.

Писарь пишет на пергаменте, посыпает написанное песком, свертывает манускрипт и уходит.

Пусть глаза наши взирают на богатые земли, и да будем мы умело ими править. Дай нам бог успеха в ратном деле, как паладину Рольдану², а во всем остальном я с вашей помощью, новоявленные господа и сеньоры, и сам не плохо управлюсь.

К Кортесу подходят посланцы Моктесумы, кладут к его ногам одежды из хлопка, изделия из перьев, мозаичные маски. Посланцы жестикулируют, не произнося ни слова. Марина встает и говорит от их имени.

Марина. Господин, эти люди — посланцы великого Моктесумы, они принесли тебе его дары.

Кортес. Спасибо за подарки, постараюсь отблагодарить в меру своих скромных возможностей. Альварадо, у нас, кажется, есть резное кресло. Олид, подай флорентийский бокал... Ордас... красную шляпу.

Капитаны передают эти вещи посланцам Моктесумы. Кортес продолжает.

Кортес. А кто это такой, великий Моктесума?

Марина переводит. Посланцы, в высшей степени изумленные, отступают на несколько шагов назад, что-то тихо говорят.

Марина. Моктесума — это величайший властелин на земле. Племена, которые ты побеждал на своем пути, — его данники. Вожди, воины, мужчины, женщины, которых ты встречал, — его подданные. Все народы

¹ Буквально: прекрасное поселение истинного креста (*исп.*). Ныне — мексиканский портовый город Веракрус.

² Имеется в виду французский рыцарь Роланд (VIII век), подвиги которого воспеты в «Песне о Роланде».

этой земли обязаны платить ему дань. Никто не может глядеть ему в лицо — так ярок его свет. Ему прислуживают во дворце более двух тысяч слуг, его развлекают тридцать женщин, когда он отдыхает.

Солдаты смеются.

2-й солдат. Этот царь или здоров, как жеребец, или устал до полусмерти.

3-й солдат. Хоть бы нам дал половину своих женщин.

4-й солдат. У нас — пятьсот мужчин, помогли бы ему немного.

Кортес. Хотел бы я посмотреть на этого Моктесуму и узнать, так ли он велик, как об этом толкуют.

Марина жестикулирует, посланцы Моктесумы отступают в ужасе. Солдаты переговариваются и смеются.

Марина. Столица Моктесумы далеко отсюда, господин, и он ее никогда не покидает.

Кортес. Тогда я сам пойду туда и погляжу. А далеко ли отсюда эта столица и как она выглядит?

Посланцы в смертельном страхе вздымают руки. Смолкают смех и шутки солдат.

Марина. В двух или трех днях ходьбы от этих берегов, но путь очень труден, и едва останется позади жар этих морей, начнется царство страшного холода. Сырой воздух сменяется туманом, и чтобы достичь столицы Моктесумы, надо перейти цепи высоких гор и дымящихся вулканов. Оттуда виден этот город, Теночтитлан, драгоценный камень среди озера, которое его окружает, зеркало власти его царей. По озеру плавают сорок тысяч каноэ, а из воды поднимаются бесчисленные каменные башни. Блеск воды и сверканье прозрачного воздуха создают волшебную картину, картину невиданного величия и чуда природы...

Кортес. А много ли войска у этого могущественного вождя?

Марина. Воины Моктесумы, построенные рядами на огромной равнине, покрыли бы ее целиком, как волны моря, по которому ты пришел, господин.

Кортес. Больше точности, женщина, меньше поэзии.

Марина. Под властью Моктесумы находятся тридцать царей-вассалов, у каждого из них — десять тысяч воинов.

Кортес. А хороши ли его военачальники?

Марина. Да, хороши. Они с детства воспитываются для войны и изучают военное искусство. Им покровительствует сам бог войны Уицилопочтли и сопровождают души их предков, древних царей ацтеков...

Кортес, веселясь, указывает на каждого из своих капитанов по мере того, как звучат имена ацтекских царей.

Марина. Акамапичтли...

Кортес. А, такая птичка... не испугает моего Диего де Ордаса и его резвую кобылу, здоровую, хотя и молодую.

Ордас. Да, уж во всяком случае, моя лошадка-то получше, чем у моего соседа Баены в Тринидаде. Его соловая ни к черту не годится.

Марина. Чимальпопока...

Кортес. Вот именно — мал пупок для моего Алонсо Эрнандо Портокарреро, не стоит он и копыта его гнедого скакуна, хотя и необузданного.

Портокарреро. Да, но конь по имени Арьеро, который принадлежит музыканту Ортису, получше и попрытче моего...

Марина. Ицкуацтин...

Кортес. Пусть-ка этот сукин сын выйдет против моего Гонсало де Сандовалья и его вороного, который бьет всеми четырьмя ногами.

Сандоваль. Против моего вороного — это верно, Эрнан. Только не трогай и не вводи в бой клячу Хуана Седаньо, — она успела ожеребиться на корабле.

Все смеются, кроме Марины и посланцев Моктесумы.

Марина. Все они — цари-основоположники и благороднейшие властелины!

Кортес (*смеясь*). Все они вместе, говорю тебе, пустятся наутек от храбрейшего Педро де Альварадо и его быстроногой рыжей кобылы, которую он отобрал у ее законного хозяина Фернандо Лопес де Авилы...

Альварадо (*смеясь*). Я купил ее, Эрнан, почти целиком... В общем, половину...

Ордас. Какую же половину? От загривка до брюха или от брюха до зада?

Альварадо. Смотря по надобности.

Все смеются. Посланцы Моктесумы ничего не понимают.

Олид. Значит, Педро, и на паре конских ног не пропадет лихой ездок...

Кортес поднимает руку.

Кортес. Кабальеро... Сеньоры... Хватит балагурить в присутствии гонцов великого Моктесумы. (*Осматривает подарки.*) Покрывала... Мозаика... Перья... (*Становится — руки в боки — перед посланцами Моктесумы.*) Даже самые захудалые вожди давали нам золото, хотя и не высокой пробы. Неужели у величайшего Моктесумы нет ни крошки этого металла или, может быть, он — величайший скряга и негостеприимный хозяин?

Движение среди посланцев.

Марина. Один из залов дворца Моктесумы до потолка наполнен золотом, там — все золото империи.

Кортес снимает шлем и дает его посланцам.

Кортес (*Марине*). Скажи им, женщина, чтобы они наполнили этот шлем слитками золота, и тогда я, быть может, начну верить в величие их хозяина.

Марина что-то говорит посланцам. Один из них нехотя берет шлем, вытаскивает из-под туники мешок, высыпает его содержимое — массу золотых слитков — в шлем Кортеса; шлем наполняется до краев. Капитаны в изумлении приближаются, солдаты встают.

Портокарреро. Если даже вычесть королевскую долю, и то хватит на весь наш флот...

Олид. А наверное, там, откуда принесли, его еще больше?

Альварадо. Сначала-то припрятали, сукины дети!

Марина. Господин, посланцы великого властелина Мехико, Моктесумы, прощаются с тобой, благодарят тебя за подарки и желают тебе счастливого, хотя и недолгого пребывания в этих землях.

Кортес. Счастливого? Пусть тогда поймут, что мы пришли к ним не для того, чтобы творить зло, а разделить с ними по-братски то, что сами имеем. Пусть великий Моктесума повелит своим вассалам не досаждать нам войной, а открыть нам путь и давать продовольствие. Только тогда наше пребывание будет счастливым. (*Пауза.*) И недолгим, говоришь?

Марина. Великий Моктесума Хокойоцин ожидает, что ты, господин, и твои теулы, поглядев на эти земли, возвратитесь туда, откуда пришли.

Посланцы смиренно кланяются и уходят. Солдаты тут же набрасываются на шлем, полный слитков золота, начинают считать их, взвешивать в руках.

Капитаны пьют и осматривают свое оружие.

Кортес (*Марине*). Ты произнесла слово, которое я не понял. Гонцы называли нас теулами... Что это значит?

Марина. Бог, боги.

Кортес. Боги... Мы?

Марина. Бог... Ты.

Изумление Кортеса переходит в громкий смех.

Кортес. Я? Но я же ничто...

Марина. Для Моктесумы, который — всё, ты — больше, чем он сам. Послушай меня, господин, кто считается ничем, тот может стать всем, а кто сейчас всё, может обратиться в ничто.

Кортес. Бог?.. Я? Замолчи, богохулка!

Марина. Мой голос — это голос моей земли, и его никто не может заставить замолчать.

Кортес. Знай, надо мной стоит император дон Карлос, которого я представляю, а над всеми нами — истинный и единый бог Иисус Христос, который умер на кресте за наши грехи.

Марина. Это было в твоих землях, господин. Здесь же... не должно быть никого превыше тебя.

Кортес отходит от Марины и медленно идет к капитанам. Солдаты подкидывают вверх слитки золота.

1-й солдат. Ничего золотишко. Получи я свою часть, мог бы купить земельку на Кубе и жениться...

2-й солдат. Но ты не на Кубе, а на земле этого самого Моктесумы, и золотом твоим тут ни раны не залечишь, ни глотку не смочишь.

3-й солдат. Золотом этим и мертвых не воскресить, а их уже пятнадцать.

4-й солдат. Вы слышали, что было сказано? Слышали, что нас ждет? Недостигаемый город под облаками; крепость, которую защищает сотня тысяч воинов.

5-й солдат. А нас горстка. Сколько нас всех?

Кортес останавливается около них.

Кортес. Ты уже сказал, сколько нас, когда мечтал поразвлечься с женами Моктесумы. Нас всего-навсего пятьсот человек.

6-й солдат. И таким-то малым числом мы хотим победить войска Моктесумы, капитан?

5-й солдат (*неуверенно*). Золото у нас уже есть...

4-й солдат. А хлеб наш заплесневел и прогорк.

1-й солдат. Капитан, подумай о холоде, голоде и смертях, которые нас поджидают... О том, как тяжело тащить все оружие на своем горбу, и о многих других трудностях... Не хватает еды... С таким хлебом, солью и салом нам не пройти этих трех дней до города Моктесумы...

Кортес. Так нельзя рассуждать. На что вы жалуетесь? Вам не хватает только еды. Можете взять ее у индейцев.

2-й солдат. Капитан, ты удивляешься, что мы думаем, на кой черт нам эти войны и — коль скоро им уже конец — доживем ли мы до этого конца? Но куда мы идем? Ведь взять эту далекую столицу — дело трудное, силы у них огромные, и если мы ввяжемся в войну с полчищами Моктесумы, что тогда будет?

Кортес. Сеньоры, когда я был ребенком, из дверей своего дома я смотрел на руины замка в Медельине. Когда-то он был великим. Потом пришел в запустенье. Хозяева оставили его. Но, как только я отворачивался от руин и спускался в деревню, я видел там жизнь. Там ходили такие же люди, как вы; народ спускался из Трухильо в Сан Лукар де Баррамеду и в Кадикс, шел из Мерида в Кордову; торговцы бродили

между деревнями в Ла Серена и селениями в горах Монтанчес. Все искали счастья, удачи, денег и не уповали на провидение. Замок лежал в руинах, потому что эти люди бросили его: они перестали быть рабами феодала, они стали частью народа в движении, они пошли по дорогам мира, открытого их устремлениям. *(Пауза.)* Мы тоже часть этой Испании в движении, Испании, которая бросила замок в руинах. Испания уже находится не в самой Испании, мы раздвигаем ее границы. Кто хочет, пусть возвращается к тому замку. Кто хочет быть человеком новым, решительным и волевым, тот пойдет за мной и пусть благодарит небо, что участвует в этом походе, который мы предприняли во славу нашего высочайшего повелителя, короля дона Карлоса.

3-й солдат. Но ведь не король дал тебе право представлять его тут, а губернатор Кубы.

Кортес. А где он, этот губернатор? Может, кто-нибудь видел его среди нас? Может, он тоже страдал от голода, лихорадки, морских бурь, индейских стрел и играл со смертью, как мы? На завоевания новых земель идут такие люди, как вы, которые смотрят в лицо всем опасностям, но не ради интересов толстопузых губернаторов.

4-й солдат. Капитан, ты восстаешь против того, кто дал тебе власть, да еще снарядил корабли для этого похода...

Кортес. А ты не восставай против меня, потому что власть Диэго Веласкеса не простирается на владения Моктесумы. Здесь признается только власть короля. И помни: если кроме кораблей у нас есть люди, оружие, хлеб, лошади, сало и куры, то это только потому, что Эрнан Кортес постарался собрать снаряжение, платил, а иной раз и воровал что было нужно, как благородный пират ради доброго дела. Хватит болтовни! В поход пошли сами, сами поход снарядили, сами будем и кончать дело. *(Подходит к своим военачальникам.)* Сандоваль, ты осмотрел берег?

Сандоваль. Да. Но так и не смог найти подходящей гавани, где бы укрыть суда от северных ветров.

Кортес. Что будем делать?

Портокарреро. Остается только два пути.

Олид. Вернуться на Кубу с золотом и дарами, которые тут добыли.

Ордас. Или укрепиться в этом лагере, построить береговые сооружения и ждать, что будет дальше.

Альварадо. Нет, есть и третий путь: вторгнуться в империю Моктесумы.

Сандоваль. Это грозит мятежом. Сторонники губернатора Веласкеса ропщут против тебя.

Ордас. Они говорят — ты их обманул; тебе, мол, дана власть только обменять товары на золото и вернуться на Кубу.

Олид. А ты вопреки указу основал тут поселение.

Портокарреро. Да еще грозишься идти в далекий город Моктесумы.

Кортес. Альварадо, брось немного золота бунтарям — этот металл сдвигает горы и смягчает сердца.

Портокарреро. Некоторые предпочитают вернуться нищими, да живыми.....

Олид и Ордас уходят. Кортес в гневе оборачивается к солдатам.

Кортес. Кем ты был в Испании, солдат?

4-й солдат. Конюхом, капитан.

Кортес. А ты?

5-й солдат. Сыном землепашца, капитан.

Кортес. А ты?

6-й солдат. Свинопасом, капитан.

Кортес. И к этому хотите вернуться, мятежники? В грязи родились — в грязи подохнуть хотите? Зачем тогда жизнью рисковали? Как это понять? Или не в характере испанцев идти всегда вперед?

2-й солдат. Дай нам немного золота, которое ты выменял, капитан, и позволь живыми вернуться на Кубу.

Кортес. Портокарреро! Возьми все добытое золото, все покрывала, всю яшму, все вещи из перьев и мозаики, отнеси на один из кораблей и отправь его сегодня же ночью в Испанию. Пусть все это будет положено к ногам его величества короля дона Карлоса. Пусть мадридский двор, вся Испания, вся Европа узнают, что за люди открыли эти земли. Даже если нас прикончат воины Моктесумы, слава, по крайней мере, будет нашей, а не этого невидимки, губернатора Веласкеса.

Пока Кортес говорит, Портокарреро, действуя самым решительным образом, заставляет 5-го и 6-го солдата собрать дары; уходят.

Кортес (*3-му солдату*). Теперь даже это золото не достанется тебе, солдат. А если хочешь заполучить его, пойдешь за мной дальше.

Слышен громкий ропот оставшихся солдат. Входят Ордас и Олид и вводят двух связанных капитанов — Эскудеро и Серменьо.

Ордас. Капитан Кортес...

Кортес. У нас не будет ни дня отдыха и покоя...

Олид. Эти люди — Эскудеро и Серменьо. Их накрыли, когда они пытались захватить одну из каравелл. Они сознались, что хотели удрать на Кубу, рассказать губернатору о твоих действиях, опередить твоих гонцов и отстранить тебя от командования. Они хотели присвоить себе славу покорителей этих земель, а также все права на сокровища, которые в ней сокрыты...

Кортес (*солдатам*). Теперь вы видите? Видите, ради кого воевали и терпели лишения, кому отдали бы свое богатство и честь? Изменникам! Тем, кто не страдал рядом с вами! Карта брошена! Альварадо, высечь этих подлецов!

Олид и Ордас связывают кричащих Эскудеро и Серменьо.

Эскудеро. Нас всего лишь горстка слабых людей!

Серменьо. Нам не устоять против несметных войск Моктесумы!

Альварадо и Ордас стегают их хлыстами. Мятежники стонут и кричат.

Кортес. Это вам не устоять, трусы, а мы сможем, все сможем. Карта брошена, повторяю. Брошена еще в Испании. Уже тогда, когда нас родили наши матери. (*Пауза.*) Ты, Серменьо, будешь вздернут сегодня ночью на виселице. И да простит мне бог, что я проливаю кровь испанца. (*Пауза.*) А тебе, Эскудеро, я отрублю ноги, и ты будешь служить живым напоминанием об измене и уроком для других.

Входит Матрос, дрожащий, растерянный, с беретом в руках. Кортес замечает его.

Кортес. Корабль Портокарреро отплыл в Испанию?

Матрос. Ушел, капитан.

Кортес. Матросы выполнили мои распоряжения?

Матрос. Мы выполнили, капитан.

Кортес. Карта брошена. (*Движение среди присутствующих.*) Для этой горстки людей возврата нет. (*Пауза.*) У нас больше нет кораблей. (*Всеобщее замешательство и волнение.*) Корабли затоплены. (*Волнение присутствующих нарастает.*) Знайте все, что нам выпала трудная миссия и что с помощью нашего господина бога Иисуса Христа мы должны выиграть все битвы и все сражения. Мы должны только побеждать —

если где-нибудь мы будем разбиты, нам уже не спастись. Нам неоткуда ждать помощи или спасения, кроме как от бога, потому что у нас нет кораблей для возврата на Кубу. Наша единственная надежда — это наша доблесть и храбрые сердца. *(Пауза.)* Признаете ли вы Фернандо Кортеса своим капитан-генералом, высшим судьей и хозяином пятой части золота, которое останется за вычетом королевской доли?

Все. Да!

Кортес. Тогда вперед, к великому Теночтитлану Моктесумы! Вперед, чего бы это ни стоило! Если коза хромонога, трудна ей любая дорога!

Всеобщая суэта и движение. Сцена окутывается тьмой.

5

Зал во дворце Моктесумы. Моктесума, спокойный, улыбающийся, кормит павлинов. Входит Сиуакоатль. Увидев своего верховного жреца, царь улыбается, берет его за руки, Сиуакоатль склоняется перед Моктесумой.

Сиуакоатль. Ты доволен, господин?

Моктесума. Я чувствую облегчение, жрец, облегчение... Какое чудесное слово, будто омовение в голубых водах, будто весенний вечер под соснами Чапультепека, будто погружение в глубокий и сладостный сон. Предсказания сбылись, теперь больше не будет догадок и предположений. Сомнения рассеялись, теперь они перестанут мучить меня. Сны и видения обернулись реальностью. Теперь сгинут фантазеры, которые досаждают мне своими иллюзиями. Да, всё это так. Призраки имеют плоть и душу. Наша вера не посрамлена, отнюдь нет — она укрепилась, ибо случилось так, как написано: Кецалькоатль вернулся в тот самый день, что предсказан авгурами, в день знака Се Акатль. *(Пауза.)* Бедный торговец, бедный пастух! О мой союзник, царь Тескоко! Храбрый Цомпантекутли... Как жаль. Если бы они говорили сейчас, я не убил бы их, а велел воскурить им фимиам. Сама истина говорила их устами... Только не вовремя. Какое странное свойство имеют люди, жрец, — говорить правду, когда никто не желает её слушать, и умирать до того, как эта правда станет видимой и осязаемой. *(Пауза.)* Ох, наконец-то я могу отдохнуть.

Сиуакоатль. Моктесума, у ворот твоей империи стоит новая сила, которая нам угрожает.

Моктесума. Ты желаешь разрушить мое счастье, жрец? Тебе доставляет удовольствие огорчать меня?

Сиуакоатль (*встает*). Этот человек, прозванный своими людьми Кортесом — святой он или нет, не знаю, — но он несет с собой новую веру. Он ведет с собой своих жрецов.

Моктесума. Да, это теул Кецалькоатль. Или ты думаешь — он должен явиться голым, как бедняк индеец, без свиты, без воинов и священнослужителей?

Сиуакоатль. Я сомневаюсь, чтобы он воспринял наши обычаи. Скорее всего, он казнит наших воинов и разгонит жрецов!

Моктесума. Не беспокойся. Не пугайся раньше времени. Я все предусмотрел. Я успокою теулов дарами. Сто носильщиков спустились на берег с большими изделиями из золота, серебра, с бирюзой и яшмой и другими ценностями, добытыми из всех наших богатых рудников. Все это их, конечно, умиротворит. Убедившись, что я их почитаю, они поверят в благополучие этого царства и вернутся морем в свои небесные жилища.

Сиуакоатль. Вернутся? Не знаю. Быть может, они захотят иметь больше того, что ты им даришь. Быть может, ты только разбередил их алчность. Они потребуют все больше и больше, пока не отберут у тебя твои собственные сокровища, которые ты хранишь в тайниках своего дворца Ахаякатль.

Моктесума. Значит, они не боги? Значит, их предводитель — не воплощение Кецалькоатля? Разве ты слышал когда-нибудь, что бог жаждет золота? Разве он не говорит лишь о таких незыблемых основах, как единство, мир и счастье? Нет, я полагаю: достаточно небольшого количества золота, чтобы откупить нашу власть, жрец. Бог подумает, что тот, кто воздает ему такие почести, всецело повинуется ему, управляя этими землями. И удовлетворенный, он уйдет с миром. (*Пауза.*) Верь моим словам. Дай мне насладиться моим возвращенным покоем.

Сиуакоатль. Твой покой может обернуться нашей гибелью. Ты веришь фатальному совпадению: они пришли, когда должны были прийти. Эти люди для тебя — Кецалькоатль и его свита. Думал ли ты, что можешь ошибиться?

Моктесума. Ты снова стремишься вселить в меня ужас, сомнение и неуверенность в себе, от которых я избавился. Имей же сострадание. Дай мне свободно вздохнуть. Не возвращай меня в ад.

Сиуакоатль. Сострадание, о котором ты меня просишь, может стать преступлением. Оно не будет благословенным ни для тебя, ни для меня, ни для нашего царства. Подумай, повелитель: если этот бородастый военачальник действительно сам бог Кецалькоатль, почему он непрестанно провозглашает, что представляет собою другого властелина, более могущественного, чем он, далекого императора по имени Карлос? Почему он упорно повторяет, что над ним и над его повелителем стоит другой бог, единственный и непобедимый, который покровительствует ему в его победах над прибрежными вождями?

Моктесума. Не наводи черную тень на благословенную ясность этого пришествия. Если то, что говорит предводитель теулов, правда, то тем более надо ублажить и умиловить его. Вместо того чтобы чтить одного-единственного бога, мы будем почитать трех новых богов: бога-капитана, бога-царя и бога-бога. В нашем пантеоне достаточно свободного места. (*Пауза.*) Почему ты любишь запутывать всех своими жреческими домыслами? Прими эту простую истину: предвиденное совпало с происшедшим.

Сиуакоатль. Повелитель, встретились два мира, никогда не соприкасавшиеся и несравнимые. Наши боги для них не боги, их боги не наши боги. В этой борьбе нет общих понятий, а если их нет, остается одно — борьба. Будь к ней готов.

Моктесума (*энергично возражает*). Нет, драма окончена, жрец.

Сиуакоатль. Драма только начинается, повелитель.

Моктесума. Окончена, говорю тебе,— таково пророчество неба, и оно сбылось. Их предводитель — Кецалькоатль. Так должно быть. Если бы это было не так, ты подорвал бы магические основы нашей веры... А меня вверх бы в безумие.

Сиуакоатль. Кстати о вере, повелитель,— ты обещал построить храм для нашего бога Уицилопочтли...

Моктесума. Ты с ума сошел? В то время когда явился Кецалькоатль, ты хочешь воздать почести его сопернику?

Сиуакоатль. Но ты обещал. Если не исполнишь обета, ты оттолкнешь жрецов и воинов.

Моктесума. Пусть строят храм для Кецалькоатля, я приказываю.

Сиуакоатль. Уицилопочтли — это бог воинов, мы нуждаемся в нем, верь мне.

Моктесума. Если тебе нечего делать, жрец, прикажи удвоить число мужчин и детей, которых надо принести в жертву в честь вернувшегося бога. (Пауза.) А теперь иди...

Снова начинает кормить павлинов. Сиуакоатль уходит.

6

Лагерь около Семпоалы. Слышится голос 7-го солдата, который напевает старый кастильский романс. Вдалеке гудят индейские барабаны. Кортес — взлохмаченный, в рубахе навыпуск, спит, положив голову на колени Марины. Солдат перестает петь. Молодая красивая Девушка-индейка робко высовывает голову из-за кулис. Солдат ее замечает и направляется к ней. Девушка отбегает в сторону. Солдат вытаскивает из-за пазухи стеклянные четки и зеркальце, гремит четками. Девушка останавливается. Солдат играет зеркальцем, которое поблескивает. Девушка прикрывает глаза руками. Солдат подходит к ней, обнимает за талию. Она вырывается, он манит ее рукой, предлагает зеркало. Девушка возвращается, с удивлением смотрит в зеркало, протягивает руку Солдату, берет зеркало. Он ее целует, они уходят.

Марина. Отдыхай, мой господин, отдыхай, и пусть мои объятия будут тебе колыбелью. Спи в моих объятиях, и я буду тебя убаюкивать, буду рассказывать обо всем, что делается в этой земле, которая стала другой с тех пор, как ты ступил на ее берег. (Пауза.) Ты вошел в страну, сложенную по образу и подобию пирамиды. (Пауза.) Земля наша —

пирамида, которая устремляется ввысь — от широких, влажных и жарких берегов к чудесным террасам плодородных долин и холмов, к острым пикам гор, снежным вулканам и высокому, выжженному солнцем плато. Здесь — вершина пирамиды, и имя ее: город Мехико — Теночтитлан. Царство наше — тоже пирамида. В ее основании — работа пленных рабов, бедняков, носильщиков и тысяч безымянных людей. Выше — муравьиный труд сборщиков дани, ремесленников, торговцев и всяких прислужников. Еще выше — отвага воинов и таинственные обряды жрецов. Надо всем этим — честолюбие и привилегии принцев, а на вершине пирамиды — Моктесума со своим полновластьем. Там есть место только для одного человека. *(Пауза.)* И духовная жизнь наша — как пирамида, потому что все наши устремления направлены вверх, туда, где должны соприкоснуться постройки из презренной глины и неосязаемый небосвод. Все пирамиды, построенные на наших землях, — это архитектура нашего духа, наших вожделений и нашего страха. Мы хотим дотронуться до неба, и поэтому мы мечтаем и работаем, как все люди. Но мы хотим также и не тревожить небо, потому что мы его боимся: еще очень свежо воспоминание, очень свежо, господин мой... *(Марина бурно ласкает спящего Кортеса.)* Очень свежо воспоминание о страшных потрясениях начала жизни, о времени, когда люди были совсем беззащитны перед зверями, голодом и жуткой тишиной. Мы очень недалеко ушли от времен, когда небеса гневались на землю; мы очень недалеко ушли от изначальной тьмы. Мы еще чувствуем себя беззащитными, господин. Есть силы, более мощные, чем мы, и мы, наверное, можем обуздать их, только обратившись в то, чего боимся сами, и в то, чего желаем. Мечтай обо мне, господин, я — воздух. Трогай меня, господин, я — огонь. Пей меня, господин, я — дождь. Бери меня, господин, я — земля. *(Пауза.)* Мехико еще сотрясается, земля еще не отдыхает, сотворение еще не окончено. До сих пор мы поработаны дьявольским множеством всего того, чего мы страшимся и чего не знаем. Мы создали пантеон многочисленных богов, чтобы умиротворить Вселенную. Наш мир — мозаика из множества мечтаний, множества страхов, множества противоречивых принципов. Поэтому один человек — Моктесума — может безнаказанно тиранить нас. На вершине пирамиды, там, где встречаются камень и небо, должна быть по крайней мере единая воля, общность тела и души над такой разобщенностью между жизнью и мечтой.

Кортес шевелится, просыпается.

Кортес. Марина...

Марина. Господин...

Кортес. Я видел сон.

Марина. Что тебе снилось, господин?

Кортес. Слова. Все происходило на словах.

Марина. Я тебя предупреждала. Существует только то, что названо словом.

Кортес. Нет, так бывает во сне. Наяву имеет значение только дело.

Марина. Ты действуешь, господин, и люди не забудут твоих деяний. Не мешай мне говорить слова во имя тебя.

Кортес *(улыбаясь)*. Ты — мой голос.

Марина. Твой голос говорит тебе, что голоса этой земли называют тебя богом.

Кортес. Ты продолжаешь богохульствовать? *(Пауза. Сомнение. Внутреннее колебание.)* Значит, так говорят обо мне?

Марина. Так говорят. Ты — теул, ты — бог. И не только потому, что ты и твои люди уже прослыли бесстрашными, и не потому, что твои животные и твой огонь вселяют ужас... И даже не потому, что полагают, будто бы вы бессмертны, побеждая войска, настолько превосходящие вас

числом. Нет, господин, ты бог потому, что так написано на небесах, на которых наши авгуры умеют читать...

Кортес. Какая глупость... Пустые домыслы.

Марина. Я ждала, пока ты проснешься, хотела сказать тебе это... Постарайся, чтобы весь мой народ и даже великий Моктесума продолжали верить, что ты бог, постарайся во имя своей победы...

Кортес. Я — верноподданный короля Карлоса, и куда бы я ни пришел, где бы я ни был, я не могу не провозглашать, что представляю его величество и ему одному приношу свои победы и плоды побед.

Марина. Господин, твой король так же далеко отсюда, как и губернатор, чью власть ты отвергаешь. Так почему же те, кого нет с вами, должны присваивать себе славу и богатства, добытые одним тобой? Я спрашиваю тебя о том же самом, о чем ты спрашивал своих солдат: где король, который властен над тобой? Или он тоже участвовал вместе с тобой в жестоких сражениях, или тело его изранено отравленными стрелами?

Входит Бартоломе де Ольмедо и останавливается в темном углу. На нем одеяния монаха ордена милосердных: белая туника и черный капюшон. Прислушивается к разговору.

Кортес (*смеясь*). Нет, мой юный король дон Карлос ведет приятную жизнь за пределами Испании. Сын Фландрии, он даже не умеет говорить по-испански. Сын Хуаны — безумной королевы, он живет в таком же уединении, как и его мать... Среди наставников, врачей и придворных.

Марина. Господин, будь ты царем этих земель. Ты можешь быть царем. Ты и я — вместе... Господин, победи Моктесуму и возьми его власть, но не разрушай эти земли, не насилуй их... Стань новым императором Мехико, отступись от своего царя и своего бога. Ты можешь быть сам себе царем и богом...

Кортес (*выслушав ее, ласково*). Я не знаю, чего в тебе больше — нетерпения или наивности? Наберись хотя бы терпения, если не разума. Наш поход еще не закончен.

Марина. Ты никогда не станешь царем, если будешь ждать, когда тебя посадят на трон. Прежде чем иметь, надо желать. Господин, ты будешь хозяином только того, чего сам твердо желаешь.

Приближается Ольмедо.

Ольмедо. Замолчи, дьяволица! Хотя я сам крестил тебя святой водой и дал крест целовать, твоей языческой душой еще владеют грязные каменные идола, которых мы повергаем в прах на нашем пути. (*Становится напротив Марины.*) Изыди, изыди отсюда, сатана...

Марина быстро убегает, как испуганный зверек. Ольмедо оборачивается к Кортесу.

Ольмедо. Великие подвиги ты свершил, капитан.

Кортес. Я не смог бы их свершить без благословения нашего господа бога.

Ольмедо. Воистину так. Не забывай об этом.

Кортес. Я не забываю, падре Ольмедо. Не забываю я и того, что предначертания господа бога выполняются только руками людей.

Ольмедо. Святая истина. И тем больше должно быть смирение людское, когда они сознают, что все сказанное и содеянное ими ничего не стоит, если это не говорится и не делается во славу божию...

Кортес. Аминь. А сейчас я бы хотел еще немного отдохнуть.

Ольмедо. Да обретет твое тело покой. Но успокоится ли твое тщеславие?

Кортес. Ты принадлежишь к ордену милосердных братьев, имей же немного милосердия к уставшему человеку.

Ольмедо. Не увидели бы индейцы твою усталость. Боги должны бдеть без устали.

Кортес. Боги...

Ольмедо. Эти дикари принимают тебя за бога, потому что их предки сказали им: придут белые бородатые люди оттуда, откуда восходит солнце, и люди эти будут ими повелевать. А вожди, видя золото, присланное тебе царем Моктесумой, думают также, что он тебя убоился, а бояться он может только бога.

Кортес. Что ж, пусть их суеверие послужит нам на пользу. Ты сам видишь, путь наш очень тяжел. Ты знаешь, сколь сильна моя вера, падре Ольмедо, и знаешь также, что скромный долг капеллана — это сопровождать войска, а не вмешиваться в военные планы, которые принесут победу нашему оружию.

Ольмедо. Я терплю то, что ты путаешься с этой языческой пифией.

Кортес. И я не хочу, чтобы ты обижал ее словом или делом.

Ольмедо. Я смотрю сквозь пальцы на твой блуд и на многие другие мелочи, хотя они и не так уж ничтожны. Не беспокойся, церковь умеет быть снисходительной к слабости человеческой. Но она не потерпит гордыню человеческую, если гордыня ослепляет человека и заставляет забывать, что любой личный подвиг — только частица двух великих предназначений: во-первых, шпагой увеличивать просторы Испанской империи; во-вторых, крестом расширять владения нашего господа бога.

Кортес. А как же люди, которые тут сражаются, а иногда и умирают?

Ольмедо. Они — ничто в сравнении с теми целями, которые я указал, ничто — дерьмо и прах. Из праха они вышли и в прах превратятся, покинув этот мир. Испания будет существовать и после них, а еще дольше, чем люди и Испания, будут существовать небо и ад, которые ждут нас в конце нашего бытия.

Кортес. А ты, падре Ольмедо, не подумал об одной вещи?

Ольмедо. Говори.

Кортес. Что эти земли стали для нас и небом и адом?

Ольмедо. Поостерегись, капитан, поостерегись молвить опасные слова...

Кортес. Я затопил корабли. Возврата нет. Мы все можем умереть сегодня ночью. Достаточно Моктесуме бросить десять тысяч его людей против нашего жалкого отряда — все наши слова вместе с нами сойдут в могилу. Дай же мне их высказать, а потом забудь про них.

Ольмедо. Ты все равно повторишь их перед богом.

Кортес. Еще раз — аминь, но спроси-ка у любого солдата и матроса, которые открыли и завоевали Кубу, Эспаньолу, Панаму и Большие земли, Юкатан и Табаско, а сейчас идут по империи Моктесумы, — спроси-ка их, что значат для них эти земли? И если они не побоятся сказать правду, ты услышишь такое их признание (*пауза*): мы, падре, которые всего лишь прах и дерьмо, мы — испанские свинопасы, землепашцы и конюхи, мы, всегда подавлявшие свои желания, мы, которым некуда было направить нашу волю и энергию, мы, которые всегда были унижены так же, как наши с тобой отцы, Ольмедо, — мы бежали из невыносимого мира, где были господа и были мы, слуги, мечтавшие о небе и желавшие неведомых благ. (*Пауза.*) Теперь цель наша достигнута, это — Новый Свет. Он — наше небо, а порой и наш ад. Он — наши неведомые блага. Здесь мы можем быть господами. Здесь нет границ нашим мечтаниям, свершениям и удаче. Мы нашли реальный и осязаемый рай, который раньше был для нас пустой химерой. Такова истина, пад-

ре Ольмедо, и если ты ее будешь отрицать, значит, не понимаешь людей, души которых призван спасать.

Ольмедо. Твоя воля сильна, но божественное провидение еще сильнее. Постарайся, чтобы оно тебя не оставило.

Кортес. Провидение? Я называю это удачей. *(Пауза.)* Если наш поход окончится победой — мы возблагодарим провидение. Если проиграем — будь оно тогда проклято, это провидение. *(Пауза.)* Удача, падре, удача. Сила нашего устремления, противопоставленная опасностям нашего времени: неудача или успех. Только тогда мы поговорим о добром или злом провидении, когда наши дела завершатся.

Ольмедо. Еретик! Грешник! Не может быть благоденствия на земле без участия церкви! Если бы мы были в Испании, я бросил бы тебя в руки инквизиции!

Кортес. Но мы не в Испании, а в диких местах, и назад пути нет. Я тоже мог бы приписать тебе еретические слова, сказанные тут без свидетелей, и мог бы послать тебя на ту же самую виселицу, где болтается несчастный Серменьо.

Ольмедо. Истины вечны, и не тебе их отменять.

Кортес. Истины меняются со временем, и лучшее тому доказательство — я сам. Как ты думаешь, если бы времена не менялись, Фернандо Кортес смог бы наплевать на мельницу в Медельине и на чернильницу писаря в Вальядолиде? *(Пауза.)* А ты сам, падре, если бы времена не изменились, разве не остался бы ты жалким священником, пропахшим ладаном и мочой где-то в Ферроле, в Галисии? Нет, падре. Колумб дал новый мир Кастилии и Арагону, а их сыновьям, то есть тебе и мне, он дал возможность впервые проявить свою волю в подходящее время. А раньше, вспомни-ка, такой народец, как мы, только получал объедки чужих свершений со стола других времен. Теперь же мы научились мечтать и воплощать в жизнь наши мечты. *(Пауза. Кортес смеется.)* Видишь, недаром я был в университете Саламанки — могу поспорить и с церковником! Ладно, монах, иди с миром. Мой большой спор — не с тобой и не с богом... Значит, Моктесума думает, что я бог? Тем лучше для меня. Я удивлю его, действуя, как человек; потягаюсь с ним простыми людскими средствами — там, где он ждет каких-то чудес. *(Пауза.)* Ты хочешь, чтобы я воевал во имя нашего господа бога? Я и так громко заявляю об этом каждый раз, когда выполняю свой долг простого смертного. Никто не узнает, о чем мы тут говорили. Но ты и я, мы знаем — нам обоим нужна власть, чтобы достичь наших целей, твоей и моей. *(Пауза.)* Не беспокойся, такие люди, как ты и я, всегда поймут друг друга. Оставим публичные диспуты Цезарю и богу и будем делать то, что нам надо сделать на этом свете.

Ольмедо. Не пытайся обмануть меня, капитан Кортес. Тобой овладела гордыня. Это дьявольский грех. Я слышал твой разговор с той женщиной. Ты, эстремадурец, ты — бог? Ты — император индейцев?

Кортес. Я иду на завоевание империи.

Ольмедо. Да, но отваживаешься на это только потому, что тебя поддерживает другая империя.

Кортес. Империи на то и созданы, чтобы переходить из одних рук в другие. Так было от Александра Македонского до Карла Пятого.

Пауза Ольмедо с издевкой ухмыляется.

Ольмедо. Сперва рубаху заправь в штаны, капитан.

Смутившийся Кортес поспешно оправляет одежду.

Так вот, не спеши, капитан, твое самомнение больше твоего честолюбия. Хотя твое честолюбие может сравниться только с твоей жестокостью. *(Пауза.)* Это у тебя тоже оттуда, снизу, от твоего хлева деревенского и

твоих блудней — недостаток истинного благородства и врожденного достоинства. Ну, да ладно, будьте Ахиллами Нового Света, вы — свинопасы, мельники и недоучки-бакалавры. Но знаешь ли, против чего ты не устоишь? *(Пауза.)* Ты не сможешь не раструбить на весь свет о своих победах. Ты вернешься в Испанию и будешь павлином распускать хвост — что перед придворными, что перед односельчанами... *(Пауза.)* Когда ты отрезал пути назад, ты возомнил себя Юлием Цезарем, перешедшим Рубикон. Хорошо. Твои действия достойны восхищения. *(Пауза.)* Но Цезарь был империей, ты же... всего лишь подданный короля и церкви. *(Пауза.)* И если хочешь прославиться как великий мореплаватель, а может, и как великий завоеватель этих земель — хотя об этом еще рано толковать, — ты должен вернуться в Испанию рука об руку с церковью и заручиться ее покровительством. И даже в этом случае ты скоро увидишь, как легко все предают забвению и сколь велика неблагодарность людская. *(Пауза.)* Во всяком случае, позаботься, чтобы церковь была с тобою. Без нее ты всегда будешь только спесивым провинциалом и останется тебе одно — рассказывать сказки о своих похождениях своим внукам в Медельине. *(Поворачивается, чтобы уйти. Оглядывается.)* А долго ли просуществует твоя индейская империя, капитан, если тебе удастся завоевать ее и сделаться королем? *(Пауза.)* Я тебе скажу — она погибнет раньше, чем умрешь ты сам в своем гордом одиночестве, раньше, чем потеряют свою белую кожу и кастильский язык твои чада, которых ты тут наплодишь.

Кортес, ошеломленный неожиданной насмешливостью Ольмедо, выслушивает его в мрачном смирении. Уходя, Ольмедо сталкивается с двумя солдатами. С противоположного конца сцены входит Марина.

1-й солдат *(к Ольмедо)*. Извините, падре, благословите...

2-й солдат. Мы спешим, падре, спешим сообщить новости...

Ольмедо их благословляет, улыбаясь Кортесу, и уходит.
Солдаты, взволнованные, устремляются к Кортесу.

1-й солдат. Капитан...

Кортес. Говорите.

2-й солдат. Наш передовой отряд увидел совсем близко отсюда город — он блестит, будто весь из серебра...

Марина. Не все то серебро, что блестит в империи Мехико. Это город Семпоала и блестит потому, что стены его домов побелены.

1-й солдат *(Кортесу)*. Городской вождь тебя ожидает.

Кортес. Пусть сам придет ко мне.

2-й солдат. Говорит, никак не может, капитан.

Кортес. Он что, калека?

2-й солдат. Нет, очень толстый.

1-й солдат. Такой жирный, что не может двигаться.

Кортес *(энергично)*. Пусть приползет на четвереньках или притащится со своими слугами. Скажите ему, что он должен чтить меня. Я — теул, а он простой вождь.

Солдаты выходят.

Кортес *(весело усмехаясь)*. Посмотрим на этого жирного касика из Семпоалы. Может быть, и увидим, на какую ногу хромает чудесная империя великого Моктесумы. *(Оставшись наедине с Мариной, Кортес нетерпеливо шагает из стороны в сторону. Затем опускает голову.)*

Марина. Господин, в чем твое сомнение?

Кортес. Мое сомнение имеет имя.

Марина. Моктесума.

Кортес (*утвердительно кивает*). Кто в действительности этот царь? Мне хотелось бы угадать или узнать это сразу, без невыносимых оттяжек, которые нам навязывает проклятое время...

Марина. Спрятавшись, я слышала твою беседу с вашим жрецом. Ты говорил, что твой спор — это спор не с богом. Но Моктесума — все равно что бог на земле, а в тебе он видит другого бога. Разве тебе надо быть ниже своего противника и ниже того образа, который создал твой противник о тебе?

Кортес. Боги, боги, боги... Все говорят о богах. (*Пауза.*) Они мне не нужны. Все это очень просто, Марина: борьба одного бога против другого — это роковая неизбежность. (*Пауза.*) Меня не интересует роковая неизбежность, с ней мне делать нечего. Если все происходящее само по себе неизбежно, тогда, выходит, не нужны моя воля, моя доблесть или моя жертва? Нет, мой спор не с каким-нибудь богом, а с людьми. Я хотел бы помериться человеческой силой с этим Моктесумой. Человек — я, человек — он. И тогда, как люди, и он и я узнаем подлинную силу наших разных устремлений и подлинную суть наших судеб на земле. (*Пауза.*)

Марина. Народы пойдут за тобой. Ты будешь мстью против гнета Мехико — Теночтитлана... (*Пауза.*) Я последую за тобой...

Кортес вопросительно смотрит на нее.

Кортес. Но кому и за что мстишь ты?..

Носильщики вносят паланкин с Толстым касиком из Семпоалы. Толщина его потрясающа. Он то и дело оправляет накидку из перьев, которая прикрывает его жирный живот, и обмахивается веером. С другой стороны сцены входят испанцы. Кортес останавливается в нетерпеливом ожидании. Солдаты подносят ему кресло. Кортес садится. Марина приближается к Касику, целует ему руку. Касик жестикулирует, не говоря ни слова, обмахивается веером, стонет, всхлипывает. Марина переводит.

Марина. Господин, касик этой земли тотонаков принимает тебя и с восторгом приветствует, так как слышал о твоих подвигах и о том страхе, который ты внушаешь великому Моктесуме.

Кортес. Этот касик — тоже вассал Моктесумы?

Марина. А кто тут не вассал Моктесумы? Касик говорит, что мощь владыки Мехико огромна, гнет его невыносим для земель, которые находятся в его власти...

Кортес. Скажи касику, что есть владыки, более могущественные, чем Моктесума.

Марина. Касик был бы очень рад, но ему трудно поверить в это. Ежегодно Моктесума требует у Семпоалы многих ее сынов и дочерей для жертвоприношений или работы в царских домах и на царских полях. Под гнетом Мехико здешние племена вымирают. На их землях всего вдоволь: цветы, ваниль, какао, табак, фрукты — сапоте и мамей, но все отбирается сборщиками дани для Моктесумы, которые, кроме того, берут красивых женщин и девушек и насилуют их. Такова трагедия земли тотонаков, где живет более тридцати племен.

Кортес. Скажи касику, что я пришел облагодетельствовать его, прекратить грабежи и насилие, освободить от рабства.

Шумное ликование Толстого касика.

Марина. Касик отвечает тебе, что в таком случае ты можешь взять с собой тотонакских воинов, и по пути отсюда в Теночтитлан все поработанные народы примкнут к тебе, потому что все только и ждали возможности, чтобы восстать против Мехико...

Кортес. Тогда пусть касик подготовит свои войска к сражению и пошлет гонцов к остальным тридцати племенам этого народа. Пусть сообщит им, что завтра мы выступаем на Тласкалу.

Марина. Касик говорит, что хотя Семпоала и Тласкала — враги Моктесумы, они также враждуют и между собой, и он не желает освободиться из-под гнета Мехико, чтобы попасть под власть тласкальцев, людей жестоких и воинственных, которые так же стремятся угнетать соседей, как и ацтеки...

Кортес. Скажи касику, чтобы он повиновался мне и не боялся. Пусть пошлет парламентариев в город Тласкалу, и пусть они объявят от моего имени, что мы придем с миром, если их войска присоединятся к нашим и вместе с нами пойдут к великому Теночтитлану Моктесумы. В противном случае мы объявим им войну и они ничего с нами не делают, так как мы — боги.

Монах О ль м е д о делает шаг вперед. Напряженно слушает, глядя на Кортеса. Пауза. Кортес прямо продолжает.

(*Марине.*) Скажи касику, что ему не придется служить двум господам — отныне власть Моктесумы в этих землях кончилась... (*Пауза.*) Скажи ему, что я буду защищать его от посягательств Мехико, а также Тласкалы и что отныне и впредь он должен будет повиноваться только одному властителю.

Пауза. Нарастает внутреннее напряжение Кортеса и Ольмедо. Появляются сборщики дани Моктесумы. Их появление ввергает в панику Толстого касика, который возбужденно жестикулирует. Марина переводит.

Марина. Господин, эти люди собирают дань для великого Моктесумы. Узнав о твоём прибытии, они пришли сюда, чтобы передать тебе еще одно приветствие от царя...

Сборщики преклоняют колена перед Кортесом; один из них ставит к его ногам курильницу для копала¹ и предлагает изделия из перьев; второй складывает к ногам Кортеса убитых кур и фрукты.

Марина. Сборщики дани просят тебя сделать выбор между этими дарами. Если ты бог, они будут курить тебе фимиам из копала и наденут на тебя убор из перьев. Если ты простой смертный, они просят тебя принять кур и фрукты, чтобы утолить голод.

Длительная пауза. Кортес колеблется. Встает. Ольмедо выжидательно смотрит. Кортес смеется, потом с гневом отшвыривает ногой курильницу, берет кур, бросает их своим капитанам, которые ловят их на лету, и протягивает руку к фруктам. Сборщики встают.

Марина. Сборщики Моктесумы прощаются с тобой и говорят, что намерены идти дальше, выполнять свой долг — собирать дань с этих земель для империи Мехико...

Кортес. Сандоваль! Альварадо! Взять их!

Сандоваль и Альварадо грубо хватают опешивших сборщиков. Касик трясется от страха.

Кортес. И если у них такие загребушие руки — отрубить их!

Олид и Ордас держат сборщиков, Сандоваль и Альварадо четырьмя сильными ударами отсекают у них кисти рук. Страдальческая гримаса Марины. Радостное изумление Касика. Вой и плач сборщиков дани.

Кортес (к Ольмедо). Я предаю их твоей святой воле, падре. Пусть идут с тобой и постигнут таинства нашей религии. Ничего другого они уже не смогут постичь. А потом отпусти их в Мехико с... пустыми руками. Нет — также и с моим торжественным обещанием: я переправлюсь через горы и познакомлюсь с Моктесумой.

¹ Копал — смола тропических деревьев, употреблявшаяся при ритуальных церемониях индейцев.

Сборщики дани с плачем ползут на коленях к выходу. Между ними, подталкивая их за головы, шагает Ольмедо.

Кортес (*Марине*). Касик Семпоалы в качестве доказательства его преданности должен дать мне не только всех своих солдат, но и носильщиков, чтобы тащить нашу артиллерию. Сам касик останется у нас заложником.

Поспешно, еще не очнувшись от изумления и не отдавая себе отчета в том, что происходит, Толстый касик начинает погонять своих слуг; они поднимают паланкин и выходят.

Кортес (*капитанам*). Итак, сил у нас прибавляется.

Повеселевшие капитаны окружают Кортеса.

Сандоваль. Значит, с нами теперь отряды тотонаков.

Альварадо. С нами и отряды тласкальцев.

Кортес. Сегодня вы поняли, в чем слабость здешних земель? Местные народы проклинаят Моктесуму и ненавидят друг друга.

Олид. Значит, завоевание индейцев будет осуществляться руками самих же индейцев?

Ордас. А кто поджигает лес, тот из леса уходит...

Кортес. Нет, завоевывать Новый Свет будем мы, испанцы. Не сомневайтесь, сеньоры. Посмотрите на эти земли и подумайте: здесь мало обработанных полей, здесь нет верховых лошадей и вьючных животных, здесь не знают железа. У них также нет настоящих войск, одни необученные орды. (*Пауза.*) Пусть бьют друг друга эти орды. Мы же, сплоченные и собранные в единый кулак, будем лишь проходить путем, который они нам откроют.

Сандоваль. Ты хочешь сказать, что с нами или без нас, эта империя все равно рухнет?

Кортес. Никогда не повторяй этих слов, Сандоваль; упаси тебя бог, если какой-нибудь королевский фискал использует их против нас. Тогда прощай, наши награды по заслугам. Скажем лучше, что, благодаря нашим смелым действиям, эта империя обретет свою настоящую судьбу. (*Пауза.*) Попробуй подожди, пока эта империя рухнет сама собой,— и сегодня же ночью индейцы перережут тебе глотку. (*Пауза.*) А теперь отдыхайте, сеньоры, завтра утром мы выступаем на Тласкалу.

Тусклый свет. Капитаны уходят. Коленопреклоненная Марина остается на сцене. Кортес подходит и опускается на колени перед ней. Они смотрят друг на друга. Вновь появляется парочка: Солдат и Девушка-индианка; они прогуливаются, обняв друг друга за талию, спускаются к рампе, останавливаются и садятся. Солдат начинает тихо напевать романс. Кортес обнимает Марину.

Кортес. Мы одни. Мне хочется еще поспать.

Его голова падает на колени Марины.

Марина. Да, отдыхай, господин. Пусть мои объятия будут твоей колыбелью; спи в моих объятиях, я убаюкаю тебя, расскажу об этой земле, которая стала иною с тех пор, как ты ступил на ее берега...

Кортес спит. Солдат продолжает вполголоса напевать романс.

О господин, я знаю, что ты смертен, хотя и силен. Но в тебе столкнулись судьбы двух миров, которые ведать не ведали друг о друге и которые в тебе и из-за тебя увидели, что ни один из них не составляет всей Вселенной... Отныне вы, мы и наши дети должны жить с вечной думой о том, что весь мир человеческий — это нечто большее, чем только наши земли, наши жизни или наши представления... И когда от усталости, страха или высокомерия захочется презреть остальной мир, буря настежь распахнет наши двери и окна. Мои сыновья будут помнить о тебе.

господин, хотя и отрекутся от тебя. Ты открыл нам истину: надо правильно оценить всю величину мира, или придется впасть в рабство и покориться миру. *(Пауза.)* Кортес... Кортес... Кортес... Ни у кого из людей не было такой жизни, как у тебя: ты родился в положенный день, ты рос, любил, путешествовал и сражался, как все, но ты пришел в нашу землю как раз в ту пору, когда тебя ждали. Твое прежнее лицо не имеет значения. Мексика надела на тебя маску Кецалькоатля, страстно ожидаемого бога, создателя жизнетворного братства. Да, бога-наставника, но не бога-убийцы. *(Собирает плоды, принесенные сборщиками дани, и предлагает их спящему Кортесу.)* О господин, будь верен судьбе, которая с колыбели сопровождает тебя незримо и молчаливо. Будь настоящим Пернатым Змеем Кецалькоатлем. Верни настоящее счастье и сплоченность этому разрозненному и угнетенному народу. *(Пауза.)* Не опустошай этот сад... Возьми... возьми, господин, плоды моей земли...

7

Зал во дворце Моктесумы. Два мага-волшебника осторожно протягивают нить через всю сцену. Моктесума внимательно наблюдает за ними. Жрец Сиуакоатль из глубины сцены смотрит на происходящее со скептической усмешкой. Моктесума подходит к натянутой нити и, кажется, вот-вот дотронется до нее, но в страхе отступает, боязливо улыбается.

Моктесума. Вы думаете, это поможет?

Маги кивают головами, скорбно завывая. На каждое замечание Моктесумы они реагируют таким же образом.

Конечно, как я не сообразил раньше. Теулы разбивают наши войска, потому что войска состоят из обычных людей. Только волшебство может задержать богов. *(Пауза.)* Вы уверены, что теулы не смогут наступать, если поперек их пути протянуть эту нить? *(Колебание Моктесумы внезапно уступает место высокомерию властелина.)* В нашей империи много волшебников, из массы я выбрал вас, я оказал вам честь, разрешив прислуживать в моем дворце, но предупреждаю: если волшеб-

ство не поможет, вас не только вышвырнут вон. *(Пауза.)* Я велю вас повесить. *(Пауза.)* Военачальник может быть побежден. Военная победа или поражение — это обычная часть жизни. Но волшебство не может терпеть поражения, ссылаясь на законы жизни, ибо назначение волшебства — господствовать над природой. Буря, засуха, внезапная тьма — вот силы, могущие победить любого военачальника. А волшебник не должен знать поражения. Волшебство всегда должно побеждать — или это не волшебство. *(Пауза.)* Прекрасно. Идите навстречу теулам и протяните эту нить поперек их пути.

Маги-волшебники уходят, Моктесума оборачивается к Сиуакоатлю

В самом деле, где же теперь находятся эти бородатые боги?

Сиуакоатль. У ворот Тласкалы, господин.

Моктесума. Их встречают миром?

Сиуакоатль. Тласкальский вождь Хикотенкатль вызвал белых людей на решающий бой. Он сказал: если иноземцы победят, он поверит, что они боги. Если же они будут разгромлены, он поклялся убить их, как простых смертных, и съесть их мясо.

Моктесума. Жестокие, ненасытные тласкальцы. Сначала надо испытать все мирные средства.

Сиуакоатль. Ты никогда не выходишь из своего дворца, повелитель. Ты не знаешь характера сотен племен, которые тебе подчиняются. Если им свойственны продажность и раболепие, то иной раз они также могут проявить мужество и недоверие.

Моктесума. Это правда, я не знаю своих земель.

Сиуакоатль. Кортес же берет их пядь за пядью. Не опасешься ли ты, повелитель, что те, кто никогда не имел чести видеть тебя, предпочтут быть вассалом этого упорного, сильного и своенравного человека? Не боишься ли ты, что народы, которым теперь дано выбирать между двумя владыками, предпочтут явную, зримую власть и отвергнут твое далекое, призрачное господство?

Моктесума стоит неподвижно. Потом оглядывается.

Моктесума. Мой дворец... *(Пауза.)* Мой дворец. Мой храм. Мое затворничество. *(Пауза.)* Ведь я прошу немногого. Жить, не выходя отсюда, не знать ничего из происходящего за этими стенами... Разве не заслуживает хотя бы эту награду тот, кому приходится быть царем? Иначе зачем быть царем, если царь даже не может оградить себя от забот, от приемов, от трудов и от мерзкого лицемерия обыкновенных людей? Мне некуда идти, я на вершине мира, я владею всем... Скажи, жрец, не я ли представляю солнце на земле?

Сиуакоатль. Да, это так.

Моктесума. Разве нельзя получить в обмен на эту власть немного покоя и одиночества? Или это слишком большая просьба? Пусть не глядят на меня, пусть не трогают меня, пусть не говорят со мной. Разве мало только существовать и представлять солнце на земле? Разве необходимо существовать страдая и представлять сомневаясь?

Сиуакоатль. Кто отвергает власть, сам будет отвергнут властью. Эти иноземцы хотят того, что ты отвергаешь: не только представлять власть, но и употреблять ее, чтобы изменить лицо земли нашей.

Моктесума. О, почему эти боги не останавливаются? Дары... почести... жертвы... покаяния... Все им предложено, все, что может требовать бог от смертных. Чего они еще хотят?

Сиуакоатль. Познать тебя.

Моктесума. Меня? *(Пауза.)* Разве боги уже не познали меня из своей небесной обители? Разве боги уже не увидели того, чего я сам не вижу: мою судьбу, мою смерть?

Сиуакоатль. Их желание знать — не любопытство богов, а любопытство людей, для которых ты такая же загадка, что и они для тебя.

Моктесума. Да? *(Пауза. Размышляет.)* Тогда, жрец, я решил, что надо делать. Найди человека, похожего на меня. *(Пауза.)* Однажды я говорил тебе... Что мы представляем собой без наших церемониальных одежд? И кто мы, такие, как не два бедняги, похожие на всех других бедняг империи? Воспользуйся этой истиной, отыщи мне двойника среди горожан, обряди в мои одежды, укрась его голову моим плюмажем и покажи его теулам. Тогда они удовлетворят свое любопытство, увидев меня, и вернутся назад.

Сиуакоатль. Если они боги, маскарад не поможет. Ты не в силах обмануть богов, так ведь? Боги или люди — они хотят познать твою душу, а не твои одежды.

Моктесума. Повинуйся. Делай, что я тебе приказываю.

Сиуакоатль кланяется, уходит. Входят два сборщика дани с перевязанными руками, простираются на полу перед царем.

Моктесума. Выполнили мои повеления?

1-й сборщик. Да, да, всемилостивейший повелитель.

Моктесума. И что сделал теул?

Сборщики поднимаются и показывают обрубки рук.

Моктесума. Боги жестоки, это я знаю. Что же он сделал? Принял ли священные подношения или предпочел утехи людские?

1-й сборщик. Он отшвырнул от себя курительницу.

2-й сборщик. Он предпочел кур и фрукты.

Долгое молчание Моктесумы.

1-й сборщик. Больше того, всемогущий повелитель, — он поклялся, что придет к тебе, и велел передать свое слово.

Моктесума. Кто же они? Чего ищут в моих владениях? Почему стремятся дойти до моей столицы? Кто ответит на мои вопросы? *(Пауза.)* Хотел бы я разгадать... Кортеса... сразу, не видя его... Или увидеть его сейчас же, не изводясь ожиданием...

2-й сборщик. Он сам показал, кто он есть, светлейший царь, — он избрал грубую пищу смертного и отверг нежный фимиам богов.

Моктесума. Нет, он просто посмеялся над нами. Он — бог. Он должен быть богом, или его победы необъяснимы.

1-й сборщик. О великодушный повелитель, мы знаем и другое. Этот капитан Кортес и в остальном предпочитает человеческие радости...

2-й сборщик. Он живет с одной изменницей, с Малинцин, которая была принцессой и рабой в землях Хикаланго, а теперь переводит речи иноземца...

Моктесума. А разве Кецалькоатль не жил со своей сестрой?

1-й сборщик. Этот капитан похваляется, что он не только простой смертный, но и человек низкого происхождения.

2-й сборщик. Он сын мельника и командует шайкой свинопасов и земледельцев...

Моктесума. Ложь! Ложь! Не может быть простолудином тот, кто посягает на мою власть... Он принял обличие человека и употребил слова людские, чтобы ввести меня в обман, убить веру в священные пророчества, войти в мою столицу, а потом судить меня судом божьим... Вон отсюда!

Испуганные сборщики убегают.

Моктесума. Они должны быть богами, он должен быть богом... *(Пауза.)* Моктесума не может снизойти до каких-то отношений с простолудином — уважать ли его, страшиться ли, сражаться ли с ним... *(Пауза.)* Кортес должен быть богом; мне надо, чтобы он был богом:

предсказанная драма должна окончиться. Так начертано на небесах... (Пауза)... что предсказанная драма должна скоро закончиться... Какая радость! Получить то, что я хочу: спокойствие, уединение. Само по себе это ничто, но я получаю желаемое, потому что исполняется священное пророчество о возвращении богов... И никто не сможет упрекнуть меня в кощунственном отказе от царствования, если я уступаю богам... Пусть разыгрывается драма без моего участия, драма, навязанная мне роком и волшебным предсказанием, самой природой. Я — земля, всюду меня окружает море. Я — берег, прибой накатывает и отступает по воле рока. Я — маисовый початок, желтый по воле рока. Я — сопилот, черный по воле рока. Я — луна, белая по воле рока. (Пауза.) И все же не все ночи одинаково темные, и не каждая заря прогоняет туман. (Пауза.) Рок, неизбежность... Должен был бы подчиниться року любой другой человек на моем месте или это суждено только мне? Почему моя жизнь, именно моя жизнь, совпала с этой роковой неизбежностью? Фатальная необходимость, необходимость фатальности. О Моктесума, Моктесума... Все подчинено силе рока, но все происходит во мне, для меня, из-за меня... Самое страшное в пророчествах то, что кто-то должен их выполнять. Самое страшное в судьбе то, что человек сам ее определяет. (Пауза.) Но если моя судьба — это смерть, то смерть моя должна быть по воле богов, только по воле богов. Иная смерть для меня невозможна. Жизнь моя будет чего-то стоить, если я паду перед богом. Смерть моя зачеркнет мою жизнь, если я потеряю жизнь от руки человека ниже меня. (Пауза.) Возможно, Кортес и не бог. (Пауза.) Но я должен притворяться до самого конца, что верю в его божественное происхождение... (Пауза.) Они должны быть богами, должны быть богами.

Входит Сиуакоатль.

Сиуакоатль. Повелитель, твой брат принц Куитлауак и твой племянник принц Куаутемок испрашивают позволения видеть тебя...

Моктесума кивает головой. Входят Куитлауак и Куаутемок.
В отличие от других, они глядят царю прямо в глаза.
Сиуакоатль уходит.

Куитлауак. Брат, маленький отряд иноземцев победил огромные силы тласкальцев.

Моктесума (в ужасе). Тласкальцев! Их я сам никогда не мог подчинить!

Куитлауак. Тласкальцы ничего не смогли сделать против грома и огня, против сверкающих мечей; не смогли побороть ужас, который вселяют потные ревушие животные, топчущие землю.

Моктесума. Нет, мы не равные противники, мы — ничто перед ними!

Куаутемок. Нет, повелитель, эти люди, пришедшие по великой воде, захватили нас врасплох, и в этом их преимущество. Они скоро поняли, что нас страшит и лишает сил: они сразу бросаются на предводителя отряда, убивают его и отбирают знамя. После этого наши воины в ужасе разбегаются, потому что гибель вождя — это словно гибель представителя предков и самих богов. (Пауза.) Мы должны научиться сражаться, если даже наш вождь погибает.

Моктесума. Сражаться без вождей, без предков, без богов? Сражаться, утратив все, на чем стоит наше общество? Для чего тогда защищать это общество?

Куаутемок. Империи существуют лишь для того, чтобы переходить из одних рук в другие. Вспомни, повелитель, что царство Мехико — Теночтитлан само еще очень молодо и основано на том, что когда-то было царствами Тула и Теотиуакан. В этих древних царствах, существо-

вавших еще до нас, мы сами были незванными пришельцами и завоевателями. *(Пауза.)* Когда-то мы тоже были здесь иноземцами и захватчиками. В этом мы похожи на Кортеса и его людей. Наша империя может умереть, как умерли большие царства до нас, как умрет империя, которую здесь создадут эти иноземцы, если победят нас.

Моктесума. Пусть тогда погибнет империя, если так решили боги.
Куаутемок. Да, пусть погибает империя, но не народ.

Начинают освещаться различные зоны зрительного зала: балконы, проходы, лестницы и т. д. Появляются группы индейцев — мужчин, женщин и детей. Они приступают к своим обычным делам: обрабатывают поля, занимаются ремеслами, преподаванием и т. д. На авансцене появляется группа индейских танцоров.

Куаутемок. Лучше умрем мы, чем вековая мудрость наших земель... *(Пауза.)* Взгляни, повелитель, в окна твоего непроницаемого храма, в котором ты сокрыт, как зародыш во чреве... *(Пауза.)* Куаутемок указывает рукой на освещенные участки зрительного зала.) Пусть погибнет империя, но не этот вот мастер, который с такой любовью и терпением делает уборы из перьев и может голодать целый день, пока не пришьет последнее перо к своему чудесному изделию... *(Пауза.)* Пусть погибнет империя, но останутся школы, где старики учат молодых человеколюбию, выдержке, уважению и обходительности... *(Пауза.)* Пусть погибнет империя, но останутся хранилища мудрости: письмена, календари, рисунки и летописи, где отражены следы эпох; где хранятся предсказания звезд и описаны растения, животные и другие чудеса природы. *(Пауза.)* Пусть погибнет империя, но не умрут правдивые слова нашего народа, прозвучавшие там, за стенами власти и ее ритуалов...

Ацтекский поэт. Да покинет тревога людские сердца,
Да не будут печальными ваши слова.
Вы истину знаете так же, как я:
Мы, люди, живем только раз, а не два.

Мы живыми с зарею выходим на свет,
Но спускается ночь — и с живыми нас нет,
Мир мертвых зовет всех обратно, друзья,
На жизнь кинув жалкую пригоршню лет.

Нам земля не навечно дается, а в долг.
Какой в войнах толк? Какой в войнах толк?
Спокойствие и радость друг другу даря,
Счастливее каждый прожил бы свой срок.

Куаутемок. Пусть погибнет империя, но останутся наши сооружения, останется надежда, которая живет в наших письменных знаках, скульптурах, посевах, цветах, танцах и песнях; живет, несмотря на наши ошибки. Надежда — это семя нашей самобытной и лучшей жизни. Надо дать возможность выжить нашему молодому народу, мятущемуся, энергичному, способному...

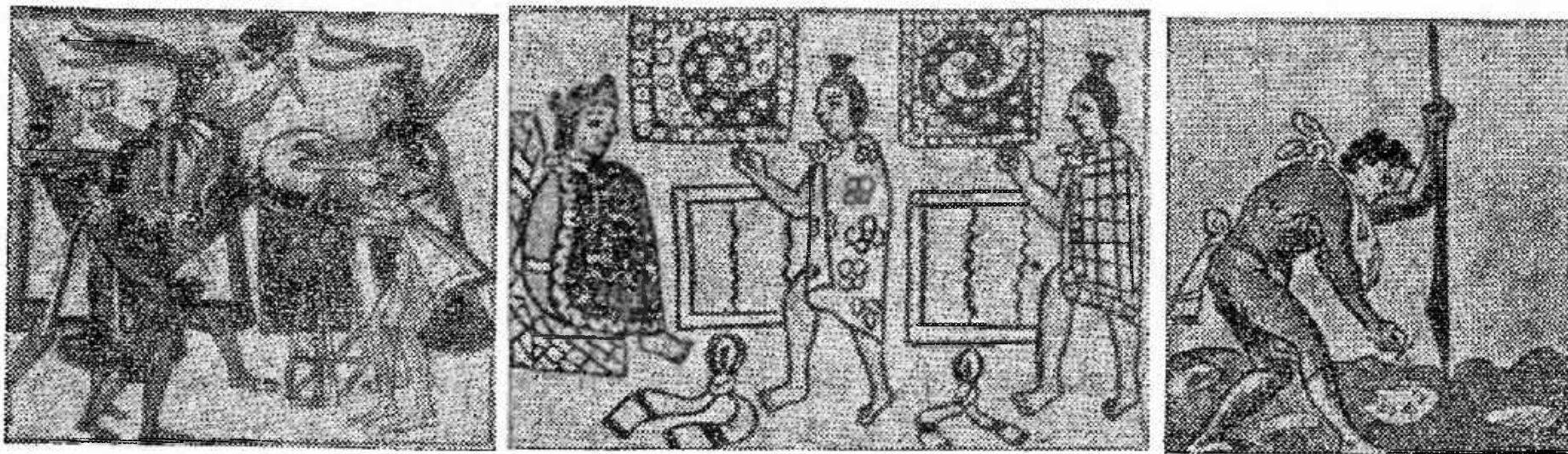
Раздается громкая индейская музыка, слышится пение; танцоры танцуют.

Твоя ответственность такова же, что и ответственность Кортеса — вы оба или каждый в отдельности можете погубить нашу надежду.

Сразу умолкают все звуки, медленно погружаются во мрак освещенные участки зрительного зала, расходятся группы людей.

Моктесума (*высокомерно, с раздражением*). Ты хочешь сказать, племянник, что если бы даже теулы и не пришли, нашей империи суждено погибнуть?

Куаутемок. Высочайший повелитель, я только полагаю, что земля эта должна всегда наследовать свою жизнь, даже если властелины ее меняются. Я хочу верить, что самые сокровенные наши мечты, которые сверкают в поэмах, в возделанных полях, в танцах, в маленьких ярких птицах, должны исполниться.

Куитлаук (*Куаутемоку*). Поистине это мечты, племянник. Ты забыл о насущных делах, которые нас сюда привели. (*Моктесуме*.) Что ты будешь делать, брат?

Моктесума (*снова со страхом*). Я послал своих колдунов остановить теулов...

Куаутемок (*сдерживая гнев*). Мы не остановим их волшебством, мы должны узнать их слабости, так же как они уже узнали наши...

Куитлаук. Золото — вот их слабость. Когда они его видят, они, как обезьяны, хватают его. У них страшная жажда золота, от золота у них вздымается грудь и загораются глаза.

Куаутемок. Они бросаются на золото, как голодные свиньи.

Моктесума. Я дал им золота.

Куаутемок. Ты дал им мало, повелитель, они хотят иметь все.

Моктесума (уныло). Тогда пошлите послов к теулу. Передайте ему, что я готов платить ему дань. Пусть скажет, сколько я должен поставлять ему ежегодно, и место, где он будет ее принимать.

Куитлауак. Он хочет войти в наш город и увидеть тебя.

Моктесума (в ужасе). Все, все, только не это... Пусть видит все, что хочет, просит все, что хочет. Я все ему дам, позволю вернуться к морю, но только чтобы он не приходил ко мне, не видел моего лица... Пусть позволит мне царствовать и быть его вассалом до самой моей смерти, но только сохранять видимость, что ничего не изменилось... Разве это большая просьба? Я даю ему все, но хочу остаться хозяином своего лица, своего одиночества и своих иллюзий. Ему нечего глядеть на меня, ибо если он бог, то, увидев меня, он познает меня и тотчас вынесет мне приговор. Он осудит мои слабости, мои сомнения, мои проступки, мои капризы, мои преступления. А если он человек...

Куаутемок (прерывая). Тогда разбей его сейчас же. Он человек, и, если ты вступишь его в наш город, он займет твое место, будет жить в твоём дворце, сядет на твой трон, и ты не будешь даже вассалом — ты будешь пленником, рабом в цепях...

Моктесума. Разбить его? Мне? С колдовством, никуда не годным? С войсками, никуда не годными? С богами?..

Поднимает руку ко рту, уstraшенный собственными мыслями.

Куитлауак (успокаивая Моктесуму). Куаутемок говорит с задором молодости. Будем же упорны и в то же время полны достоинства. Прими его в твоём городе и в твоём доме. Почти его по законам нашего гостеприимства — это всегда угодно богам и приятно людям. *(Пауза.)* А когда он окажется в нашем городе и не пожелает уйти или станет угрожать твоему господству... тогда ты снимешь мосты, заполнишь город нашими войсками, наводнишь озеро вооруженными каноэ... и схватишь его, как в мышеловке... Потом поднесешь его тело богу Уицилопочтли в Большом храме Ку. *(Пауза.)* Пусть он побеждает твоих вассалов и врагов. Замани его к себе. Когда же он будет здесь, окруженный...

С силой сжимает кулак, потрясая рукой в воздухе. Длинная пауза.

Моктесума. Куда сейчас направляются теулы?

Куитлауак. К Чолуле, нашему священному городу, пантеону всех богов нашей империи, туда, где воздвигнуты триста шестьдесят пять храмов...

Моктесума (размышляя). В таком случае не давайте им съестного. Пусть они предстанут голодными и холодными перед нашими богами. Пока мы больше ничего не будем делать, пусть решают боги.

Куаутемок склоняется перед Моктесумой.

Куаутемок. Повелитель...

Моктесума. Говори, сын мой.

Куаутемок. Если эти люди нас победят, они разрушат наш мир... *(Пауза.)* Но если победим мы... Постараемся же, постараемся, повелитель, не разрушать его сами...

Моктесума, удрученный, продолжает сидеть на троне. Куитлауак и Куаутемок уходят. Некоторое время Моктесума остается один. Входит Сиуакоатль.

Сиуакоатль. Повелитель... Повелитель всемогущий...

Моктесума (с горькой иронией). Всемогущий...

Сиуакоатль. Повелитель, имеющий всё, — чего тебе не хватает?

Пауза.

Моктесума. Поражения.

Чолула. В глубине сцены стоит жертвенный камень, окруженный каменными идолами. На авансцене — индейские юноши, одетые и раскрашенные, как женщины, весело резвятся, строят гримасы. Входят три жреца с черными длинными волосами, все они — в черных длинных туниках, испачканных кровью. Подводят одного из юношей к жертвенному камню.

1-й жрец. Хорошо ли ты провел свой последний день на земле, мальчик?

Юноша. Лучше, чем все предыдущие годы, потому что за один только день я узнал, что такое роскошь и отдых, обильная еда и исполнение желаний. Я пил самые опьяняющие нектары и любил самых прекрасных женщин.

1-й жрец. А сейчас ты испытаешь величайшее блаженство и тебе будет оказана величайшая честь...

Юноша. Жрец... Перед тем как умереть, могу ли я спросить тебя?

1-й жрец. Да.

Юноша. За что я умираю?

1-й жрец. Мы избрали тебя среди самых молодых и красивых мужчин Чолулы, чтобы принести наивысшую жертву и успокоить гнев теулов, которые пришли с больших берегов. Ты умрешь в светлом божественном огне. Разве ты предпочел бы жить в темноте?

Юноша. Не знаю, жрец. Я любил свою жизнь и свою работу.

1-й жрец. Что ты делал?

Юноша. Я делал наряды из перьев. Я был только ученик, но уже умел очень многое и мог работать целый день без еды, не беря в рот ни крошки: разбираю и сортировал перья, прилаживал одно перышко к другому, поворачивал вещь то к солнцу, то к тени, чтобы посмотреть, как лучше блестят перья — с этой стороны или с другой...

1-й жрец. Твоя работа была полезной, потому что плащи из перьев носят цари, а щитами из перьев вооружаются воины...

Юноша. Перья асулехо, колибри, кецаля — перья голубые, желтые, всех цветов радуги... Почему мне надо умирать, жрец?

1-й жрец. А почему в одни месяцы можно убивать уток, а в другие нельзя?

Юноша. Это я знаю, жрец, — чтобы не выбить весь утиный род.

1-й жрец. Если мы перебьем всех уток, то в конце концов умрем от голода. Но если бы мы вообще не убивали уток, мы тоже умерли бы от голода... И, кроме того, у тебя не было бы перьев для твоей работы. (Пауза.) И скажи мне еще, мальчик, разве люди твоего ремесла не при-

носят каждый год в жертву одного раба в честь бога — покровителя мастеров по перьям, бога-койста?

Юноша. Да, это так.

1-й жрец. Тогда мы имеем еще большее право принести в жертву тебя: мы делаем это не только во имя процветания полезного ремесла, а для того, чтобы насытить солнце, которое в свою очередь дает нам пищу! У истоков жизни всегда кровь: надо убивать, чтобы выжить, умерщвлять, чтобы родить. Однако надо и сохранять то, что должно умереть, чтобы всегда было кому нас кормить и в мире царил бы порядок. Утки... Олени... Люди... Даже сами боги идут на жертвоприношение, когда отдают свою кровь, чтобы создать жизнь. *(Пауза.)* Трудно сохранять равновесие, мальчик, очень трудно! Существует вечная опасность убить более того, чем требуется, чтобы накормить землю, — и тогда умрет сама земля. Но если мы никого не принесем в жертву, нас ждет то же самое: голод и смерть. Ты понимаешь меня, мальчик?

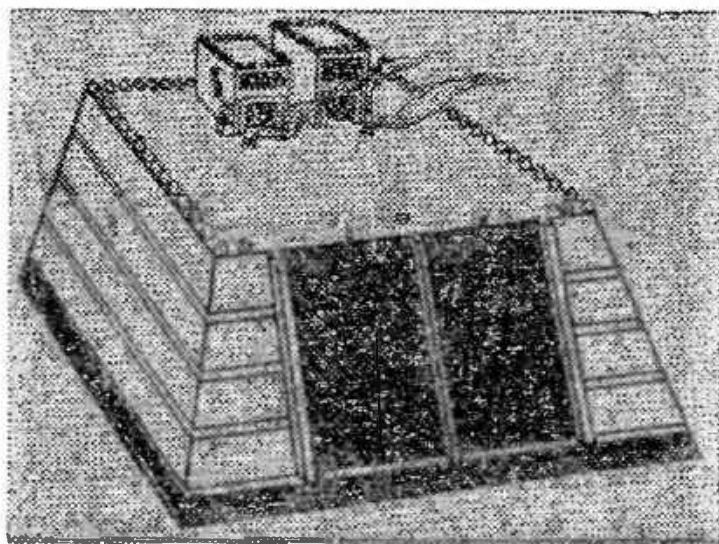
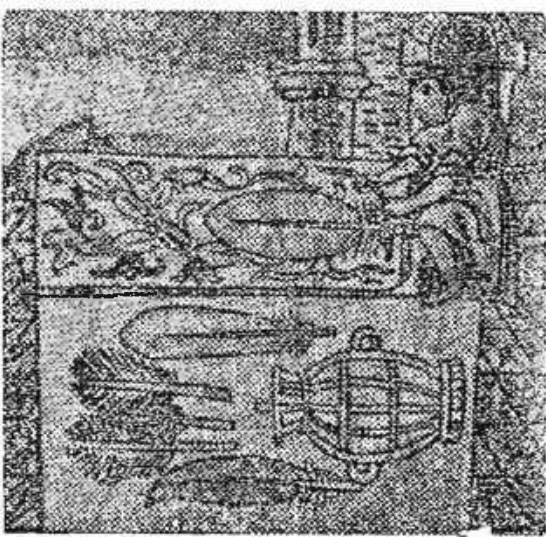
Юноша. Да. Я — олень, я — утка...

1-й жрец. Ты — дар. В обмен на порядок в царстве, в обмен на свет самого солнца мы отдаем тебя, и ты уподобляешься богу, принося себя в жертву. Ты — дар, ты — подношение. *(Пауза.)* Знай, лишь за дань и воздастся.

Юноша. А белые теулы поймут твои доводы?

1-й жрец. Нет, это не только мои доводы, это всеобщие доводы. Святые законы везде одинаковы. Кто-то должен умирать, чтобы остальные жили.

Юноша колеблется, но покоряется. Жрецы кладут его на жертвенный камень. Юноша начинает дрожать, стонет, наконец, вскрикивает и начинает вырываться. Два жреца крепко держат его за руки и за ноги. 1-й жрец заносит над ним кинжал из обсидиана¹.

1-й жрец. Пусть твоя кровь смягчит гнев богов, которые вернулись к нам по великой воде, как обещали! Пусть твое бьющееся сердце возьмет великий бог Кецалькоатль в доказательство нашего смирения перед его мощью! Пусть твое обескровленное тело примет земля и принесет нам обильные плоды и пусть твоя гниющая плоть будет утолять голод рождающегося солнца...

1-й жрец вонзает кинжал в грудь юноши. Ужасающий вопль, потом тишина и долгая пауза. Из глубины зрительного зала к сцене идут испанцы. Во главе процессии — монах Ольмедо с огромным распятием в поднятой руке, на распятии — окровавленный Христос. Позади — Кортес, Ма-

¹ Обсидиан — черный или темно-зеленый твердый минерал вулканического происхождения.

рина, Альварадо, Сандоваль, Олид, Ордас и испанские солдаты. Испанцы поднимаются на сцену. С отвращением смотрят на жертвенный камень. Марина бесстрашна. Кортес напряжен. Монах Ольмедо еще выше поднимает распятие.

Ольмедо. О господь бог наш Иисус Христос, ты позволил глазам нашим узреть эти мерзкие деяния только для того, чтобы люди еще более поверили в тебя и в твое милосердное и человеколюбивое учение! И пусть сгинут эти проклятые идолы при виде твоего образа на кресте, ибо на другом кресте ты принял страдания и смерть во имя спасения всего рода человеческого! Во имя тебя мы пришли в эти варварские земли, во имя тебя мы их берем, во имя тебя мы спасем этих дикарей от преступлений и грехов, в которые их вводит дьявол!

Кортес. Не забывай, падре, что нас встретили с миром. Сначала решим дела политические, а потом религиозные...

Ольмедо (*энергично*). Нет, капитан, нет...

Ольмедо в ярости устремляется к центру алтаря и ставит там большое распятие напротив изображения Кецалькоатля. Бросает взгляд на Кортеса и отходит, сокрушенно качая головой. Двое индейских юношей приближаются с любопытством к распятию. 2-й жрец с испачканными кровью руками также приближается к распятию и дотрагивается ладонью до груди Христа, оставляя там еще один кровавый след. Сцена снова начинает заполняться индейскими мужчинами, женщинами и детьми. Старцы учат молодых, мастера по обработке перьев и металлов занимаются своими делами, женщины с детьми раскладывают на земле различные товары и плоды. Кортес подходит к 1-му жрецу.

Кортес (*Марине*). Женщина, скажи этим святошам, что во всей округе Чолулы нам отказывали в провианте...

Марина и жрецы обмениваются словами и жестами, как в предыдущих сценах.

Марина. Верховный жрец пантеона Чолулы говорит: если ты и твои войны — боги, вам не надо иной пищи, кроме священных жертвоприношений...

Марина указывает рукой на труп убитого юноши. Кортес подходит к одной из женщин и протягивает руку, прося дать ему поесть. Женщина поспешно прикрывает плоды. На сцене происходят быстрые одновременные действия: Альварадо приближается к танцорам — те тотчас останавливаются; Сандоваль подходит к наставнику и ученику — те закрывают лица руками и прекращают беседу; Олид подходит к мастерам — те перестают работать. Молчание и внутреннее напряжение. Капитаны собираются вместе: тотчас возобновляются работы, танцы, торговля. Жрецы запевают скорбную песнь. Индейские юноши замирают в восторге перед образом Христа, затем начинают ощупывать его тело, набедренную повязку. В углу сцены совещаются капитаны. Марина прохаживается между индейцами. Монах Ольмедо молится около распятия.

Кортес. Сеньоры... Со мной вы можете быть откровенны...

Пауза. Капитаны вопросительно смотрят на Кортеса.

Кортес. Зачем вы пришли в эти земли и для чего рискуете тут жизнью?

Альварадо (*улыбаясь*). Для того, чтобы идти с тобой, Фернандо.

Кортес. Но если бы ты сам мог стать верховным военачальником в другом походе, ты бросил бы меня в угоду своему честолюбию.

Альварадо (*продолжая улыбаться*). Ну значит и с тобой меня ведет мое честолюбие.

Кортес. А тебя что прельщает, Сандоваль?

Сандоваль. Слава.

Кортес. А тебя, Ордас?

Ордас. Власть.

Кортес. Тебя, Олид?

Олид. Золото.

Кортес (*с горькой усмешкой*). А как же Испания? Король? Бог? (*Никто не отвечает.*) Спасибо за откровенность. (*Пауза.*) Слава, власть и золото — все это будет у нас, если мы найдем правильный выход из положения. Я хочу вас выслушать.

Все порываются что-то сказать, за исключением Альварадо, который молча ждет решения самого Кортеса.

Сандоваль. Мы можем уйти отсюда, заpastись съестным в следующем селении и продолжать путь на Мехико.

Олид. Чолула не нападает на нас...

Кортес. Но сопротивляется. Что задумал Моктесума?

Ордас. Наверное, это он распорядился, чтобы нам не давали удовольствия.

Сандоваль. Или он хочет уморить нас голодом?

Олид. Но в то же время воздает нам почести и открывает путь к своему городу.

Ордас. А в своем городе нас, обессиленных и успокоенных...

Олид. ...прихлопнет, как крыс.

Сандоваль. Ну а что сделал бы король дон Карлос на твоём месте?

Кортес. Король? Короля здесь нет... Здесь одни мы... Вы и я... Короля нет, нет короля...

Сандоваль. Но мы действуем именем короля.

Кортес (*гневно*). Мы действуем, как сам король! (*Пауза.*) Нет, мы делаем больше, чем сам король. Разве король отправился вместе с нами, затопил свои корабли, пошел с пятьюстами человек на завоевание целой империи?

Ордас (*с иронией*). Говоришь, больше, чем сам король, капитан? А по-моему, ты просто вошел в роль короля, выступая против другого короля...

Кортес. Нет, Ордас, не приуменьшай своих собственных подвигов. Ты и я — мы действительно отстранили от участия в этой драме касту королей и придворных. Мы — настоящие участники этого великого таинства; только мы, народ Испании, теперь действующая сила.

Ордас. Тогда прикинь, что сделал бы Моктесума на твоём месте?

Кортес. Я не знаю, что в душе Моктесумы — страх или коварство?

Ордас. Наверное, и страх и коварство. Этим все объясняется.

Кортес. Моктесума должен сражаться как военачальник и как человек... Если этого не будет, не стоит и смотреть на его лицо... Нам придется сражаться против женщин и против призраков, и тогда... наши подвиги не будут стоить ни гроша.

Олид. Чолула — важный центр, центр их религии. Здесь находятся все их боги... Включая тех, которых мы сами представляем в глазах этих нечестивцев...

Сандоваль. Давайте уважать это место, пусть они думают, что мы боги.

Олид. Нет, они подумают, что если мы подчиняемся их богам, значит мы ниже их.

Ордас. Да и Ольмедо напишет в Испанию...

Олид. Мы прослышем идолопоклонниками, и вместо почестей нас встретит инквизиция...

Ордас. Наша слава и богатство зависят от того, будут ли нас считать носителями христианской веры в этих землях...

Кортес. Опять зависеть от властей и чинов!

Орда с. Да, Эрнат, так устроен мир...

Кортес. Я — человек, а значит — независимая воля...

Олид. Так пусть твоя воля берет верх над властями, а не они над твоей волей...

Кортес. Но как? Действуя... или уклоняясь от действий? Честно... или в обход их приказов?

Олид. Хитрость всегда примиряет противоречия. Пока сделаем вид, что подчиняемся.

Орда с. Поступай как хочешь, но только старайся, чтобы история была написана в твою пользу...

Кортес. История...

Орда с. Да. Наша история, если мы победим. Пусть будет написано: в горных ущельях засели вооруженные воины Моктесумы, пытаюсь окружить нас и убить...

Кортес. Пусть будет написано...

Орда с. И мы были окружены и погибали от голода...

Кортес. Пусть будет написано...

Орда с. И если бы мы простили хоть одного изменника, дальше нас ожидали бы еще худшие беды...

Кортес. Да будет так.

Капитаны одновременно обнажают шпаги, в клятве поднимают их вверх. Марина подходит к Ольмедо, который все еще молится перед крестом. Рядом с ним 1-й жрец.

Марина (к Ольмедо). Белый жрец, скажи: тот, кому ты молишься, твой бог?

Ольмедо. Это Иисус Христос, бог, ставший человеком...

Марина. Умерший бог?

Ольмедо. Бог, принесенный в жертву...

Марина. Здесь приносят в жертву людей в честь богов. А у вас приносят в жертву богов в честь людей?

Ольмедо. У нас нет «богов», у нас — один истинный бог, хотя в трех разных лицах: отец, сын и дух святой...

Марина. Один, который два, который три и опять один? (Пауза.) Жрец Чолулы говорит, что не понимает твоих речей. (Пауза.) По правде говоря, и я не понимаю.

Ольмедо. Этому кровожадному язычнику ничего не понять.

Марина. Да, он говорит, что понимает только одно: где боги — там всегда кровь.

Капитаны единым взмахом опускают шпаги. Одновременно появляется Двойник Моктесумы, которого поддерживают и подталкивают ацтекские воины. Фальшивый монарх в одеждах Моктесумы приближается, дрожа, к Кортесу. Марина спешит к группе испанцев. Ацтекские воины жестикулируют.

Марина. Господин, эти воины представляют тебе царя... Великого Моктесуму...

Двойник Моктесумы трясется от страха. Кортес замечает это, обходит его кругом.

Кортес. А... Всемогущий повелитель этих земель... (Пауза.) Сдается мне, он болен трясучкой и смертной тоской, а эти недуги не могут поразить такого славного монарха...

Марина. Путь был очень труден, но Моктесума желает удовлетворить твое любопытство, чтобы тебе не надо было бы подниматься к городу Теночтитлану.

Кортес. Скажи этому дурацкому царю, что сутана не делает монаха...

Воины отступают в смущении, Двойник Моктесумы пятится, дрожа от ужаса; Кортес впадает в ярость.

За кого они нас принимают, почему хотят ввести в обман? (*Подходит к Двойнику Моктесумы, грубо сбрасывает с его головы плюмаж, срывает с него одежды и оставляет в одной набедренной повязке.*) Настоящий Моктесума никогда не покидает своего города, и туда мы все-таки придем, чтобы увидеть его лицо. Моктесуме не спрятать от нас своего лица и не скрыться от нас, даже если он превратится в птицу и полетит, если превратится в крота и зароется в землю... (*Кортес стискивает рукой подбородок Двойника.*) Что же ты боишься показать мне свое лицо, Моктесума? Или, может, ты боишься посмотреть на меня? (*Опускает руку, смеется.*) Но ведь у нас не лица, а только маски! (*Пауза.*) Ты ожидал богов. Боги пришли. Маски теперь сняты. Тебе больше нечего ждать. (*С яростью к солдатам.*) Разбивайте идолов!

Двойник Моктесумы и ацтекские воины убегают. Испанские солдаты разбивают богов-идолов, индейские юноши бросаются друг другу в объятия подле креста. Жрецы раскачиваются и жалобно стонут. Мужчины, женщины и дети прекращают работы, собирают свои вещи, некоторые уходят... Один из жрецов на коленях подползает к Кортесу, Марина следует за ним.

М а р и н а. Господин, жрец Чолулы спрашивает: если ты бог Кецалькоатль, зачем разбиваешь свой собственный образ?..

К о р т е с. Никакой я не бог! Я всего лишь человек! У меня нет другого лица, кроме лица Эрнана Кортеса! (*Обращается к Ольмедо.*) Да, падре Ольмедо, мы — скромные христиане и поклоняемся Иисусу Христу, верим в него, и, если пришли в эти земли, мы не позволим, чтобы индейцы приносили себя в жертву и поклонялись этим проклятым болванам...

О л ь м е д о (*среди каменных идолов, сброшенных на землю*). Тут, в этом святилище навсегда останется распятие Христа и образ святой девы Марии, и они увидят, какая снизойдет на них благодать...

А л ь в а р а д о. Аве Мария, Пречистая дева...

О р д а с. Непорочно зачавшая...

К о р т е с (*жрецам*). А вы, кровопийцы, вонючие служки, живо отказывайтесь от своего дьявольского идолопоклонства и принимайте благословенную веру, которую мы вам несем...

1-й жрец падает на колени перед Кортесом и жестикулирует.

М а р и н а. Жрец просит тебя, чтобы ты простил его, но требование твое невыполнимо. Это — вера их предков, и свет для них померкнет, если они от нее откажутся...

К о р т е с (*Альварадо и Олиду*). Так пусть сейчас померкнет свет для этих трех нечестивцев, от которых и так разит мертвечиной...

Альварадо и Олид пронзают жрецов шпагами. Кортес указывает своей шпагой на разряженных индейских юношей, предназначавшихся для жертвоприношения.

К о р т е с. А вам, проклятые бездельники и развратники, смерть слишком легкое наказание, ваша грязная кровь только запятнает наши шпаги... (*Подает знак Альварадо, который берет железное клеймо и кладет в одну из курильниц, дымящихся в языческом храме.*) Вы пожили в свое удовольствие, а теперь потрудитесь на нас. Будете нашими рабами и станете таскать тюки вместо мулов, которых здесь нет. А раз вы мулы, как мулы, будете мечены клеймом, чтоб каждый знал, чей это раб.

Альварадо берет за волосы одного из юношей и метит ему лоб каленым железом. Юноша падает без чувств... Народ в ужасе начинает разбегаться...

К о р т е с. Хватайте их. Бейте!

Капитаны и солдаты набрасываются на мужчин, женщин и детей, находящихся в храме, убивают шпагами мужчин и детей, бросают наземь женщин...

Бейте на улицах, рубите их, жгите, крошите, грабьте, врывайтесь в дома! Пусть они тут узнают, что такое война, если не идут на поля сражений!

Капитаны сгоняют женщин в центр сцены.

Клеймите их буквой «в» — война.

Капитаны начинают клеймить женщин. Сцена превращается в сущий ад: крики, рыдания, вопли, трупы, разрушение...

Кортес (к Ольмедо). Этот день посвящен святой вере. (Пауза.) Ты ведь этого хотел, падре?

Ольмедо почтительно склоняется перед Кортесом, затем поворачивается к нему спиной и, вздымая руки перед распятием, читает благодарственную молитву. Капитаны преклоняют колена, опускают головы. Кортес продолжает стоять, сжимая шпагу в руке. Марина, подавленная горем, приближается к нему.

Марина. Господин...

Кортес. Женщина...

Марина. Ты устроил нам кровавое побоище... Ты принес страх и рабство...

Кортес. Ты ошибаешься. Я очистил от страха, крови и рабства эту империю.

Марина. Ты навязал свое господство вместо власти Моктесумы. Или твой бог разрешает, чтобы во имя его свершались такие преступления? Ты...

Кортес с силой швыряет Марину на землю.

Кортес. Заткнись, колдунья! Смотри, как бы я снова не отдал тебя в рабство, из которого вытащил... (Пауза.) Смотри, как бы не бросил тебя самому грязному из своих солдат.

Марина, униженная, лежит на земле, затем приподнимается, говорит.

Марина. Господин... Не жги, не убивай, не опустошай эту землю. Одно зло не побеждается другим, еще большим. Послушай, о чем я тебя попрошу, хотя я не умею мыслить по-мужски и говорить разумно. Возьми эту землю, береги ее... Для меня, для себя, для всех...

Кортес. Земля твоя проклята богом. Здесь допускают жертвоприношения, поклоняются идолам и всякому безобразию...

Марина. Никогда я не видела жертвоприношения более страшного, чем то, какое ты от нас потребовал... Господин, послушай меня, прислушайся к моим словам... Вглядишься глубже в нашу жизнь. За продажностью и растлением, которые ты видишь сверху, ты разглядишь душу моего народа, самобытную, чистую, страждущую. Моктесума — это имя всех подлых завоеваний. Задолго до того как ацтеки пришли в эти места, где встретили орла и змею, мой народ уже мечтал, представлял себе свое будущее, творил, верил. Мой народ хочет доброй жизни в труде. Не убивай добро в моем народе, господин, если хочешь искоренить в нем зло... О господин, постарайся понять нас. Дай нам волю, не уничтожай наши земные мечты своей шпагой, не разрушай наше непрочное единство. Возьми все, что построено здесь, и строй вместе с нами. Позволь нам понять твой мир и постарайся понять наш! (Пауза.) Оглянись, господин, на наше прошлое, и, может быть, ты сам узнаешь что-нибудь и о себе и о всех других людях. (Пауза.) Не губи мою родину. (Пауза.) Возьми ее, подумай, что никто не может господствовать над ничем; подумай, что ты не сможешь стать владыкой над мертвыми. (Пауза.) И подумай, что до самой твоей старости тебя будет грызть сомнение, жечь вопрос, кото-

рый тебе придется завещать твоим сынам в Мехико и в Испании. Ты будешь спрашивать себя, господин: а что было бы на этой земле, если бы вместо того чтобы губить ее, я дал бы ей жить и сам жил вместе с ней?

Кортес (*со смешанным чувством грусти и убежденности*). Оставь, не мешай мне закончить свое дело... Я солдат... Потом... Потом... Мы создадим здесь новый мир... Хороший мир...

Марина (*качая головой*). Будет слишком поздно. Ты крестил нас кровью, и только кровью мы можем восстановить наше попранное имя. (*Пауза.*) Ты думаешь, что мы — одно только зло.

Кортес. Зло?.. Нет, враги...

Марина. Ты не постарался разглядеть добро, которое может скрываться за маской зла. Ты прибыл издалека...

Кортес (*мечтательно*). Да, Медельин... Эстремадура... Саламанка...

Марина. Ты боишься того, чего не знаешь, и называешь злом то, что тебе неизвестно, то, чего боишься, так как у тебя могут отнять...

Кортес. Дону Ничто нечего терять. И все средства хороши, чтобы стать кем-нибудь. (*Пауза.*) Блудный сын больше не вернется домой с пустыми руками.

Марина. А что увидели бы мы в твоём доме, господин, если бы все случилось наоборот, и мы пришли бы в твои земли завоевать их? Какое зло, какой страх, какие жертвы, какие бесчинства нашли бы мы в твоём испанском доме, господин?

Кортес (*раздумывая*). Со времен паладина Рольдана Европа научилась защищать себя от неверных и от их заразы. Говоришь, что ты у нас увидела бы, женщина? То же самое, что мавры.

Марина. Я не понимаю тебя. Я знаю только то, что ты пришел в день, предсказанный нашей историей. Не отнимай у нас нашей истории, ведь благодаря ей ты тот, кто ты есть, стал кем-то, чем-то... Дай нам волю, дай нам расцвести — ведь пока мы еще только зерно, скрытое в земле, зерно, жаждущее увидеть свет... (*Пауза.*) Дай нам волю.

Слышится непрерывное бормотание монаха Ольмедо и капитаны читают молитвы. Кортес устремляет взгляд вдаль, в его голосе слышится странное смешение нежности, боли, решимости и горечи.

Кортес. Волю... Лучше скажем — шанс в жизни... А кто дал бы его мне? Только я сам. (*Пауза.*) Не слушай меня, падре Ольмедо, служи свою мессу, насаждай Христову веру, играй свою роль пастыря: накручивай хвосты волам. Все равно не быть тебе рыцарем в этом великом походе; ты — простой оруженосец. В тебе же, Марина, в тебе я похороню всю свою правду. (*Пауза.*) Значит, шанс... А дали бы его мне твои братья, женщина, если бы я не применял хитрость и силу, чтобы пробивать путь в ваших гиблых землях? Нет, не думаю. При моем малейшем просчете они попросту съели бы меня и преподнесли своим богам мое сердце. (*Пауза.*) Кровь за кровь, кровь на кровь... (*Пауза.*) Шанс, говоришь? А дал бы мне его губернатор Кубы, даже если бы я опять вложил в эту рискованную затею все свои душевные силы, все способности? (*Пауза.*) Коварство пользуется необходимостью, сила пользуется слабостью. Единственный шанс в жизни... Разве дал бы мне его сам король дон Карлос, если бы он и его приспешники могли бы покрыть себя здесь славой, не опасаясь за собственные шкуры? Я — пасынок истории, простой солдат. Таков мой собственный скудный шанс. (*Пауза.*) Ты говоришь, что существует только то, что имеет название. Тогда послушай те слова, которыми я создаю мир, слова, которые будут повторяться, а возможно, и будут записаны... Вера, честь, отвага, хитрость, насилие, преступление, завоевание. Но ты не верь в них, Марина. Сами по себе они ничего не говорят, они только мешают мне — это гремящие цепи, которые скovy-

вают мое страстное желание вылезти из грязи. Я — одержимый человек и повторяю, повторяю эти слова, которые, как ни странно, еще больше разжигают мою страсть. *(Пауза.)* Ты предупреждаешь меня, что я делаю глупости и иду к гибели. О том же самом меня предупреждает падре Ольмедо, но я не слушаю и не желаю никого слушать. Я прислушиваюсь только к голосу своей страстной мечты, своих собственных побед, потому что, завсевывая эту империю, я завоевываю человека, которого зовут Эрнан Кортес. *(Пауза.)* Я был никем, я могу быть только тем, что сам сделаю и чего добьюсь в этих землях. Я иду быстро, мне нельзя задерживаться, у меня нет времени, мне не дадут времени больше того, которое я сумею здесь выиграть. *(Пауза.)* Я один в мире... Я жду, когда родится после моих слов и после моих дел другой голос, другое «я», с другими словами, другой Кортес, о котором стоит говорить и к которому стоит обращаться... Другая совесть, скрытая за моей совестью... *(Пауза.)* Зазвучит ли когда-нибудь этот голос, мой второй голос?.. Не знаю. Сначала я должен закончить этот поход. И я закончу его на свой страх и риск — так, как захочу именно я... *(Пауза.)* Медельин... Саламанка... Ла Эспаньола... Куба... Мехико... *(Пауза.)* Я один. Так есть и так будет, пока не покорю Моктесуму. Игра стоит свеч: один человек против целой империи. Или буду побежден, или добьюсь триумфа. Только тогда моя совесть будет говорить с моей совестью и мой голос будет слушать мой голос.

М а р и н а. Один человек против целой империи? Нет, господин, ошибаешься. Если ты выступаешь против ацтекской империи, ты делаешь это от имени испанской империи, и в этом вся твоя трудность: ты должен победить нашу империю и не оказаться побежденным своею собственной империей. *(Пауза.)* Если ты хочешь, чтобы победила твоя страстная мечта, ты должен разбить и Мехико и Испанию.

Долгая пауза. Кортес не шевелится. Заунывное религиозное песнопение продолжается. Марина падает на колени, протягивает к нему руки, раскрывает объятия. Кортес секунду колеблется.

Я люблю тебя, господин.

Кортес падает на колени перед Мариной. Они глядят друг другу в глаза. Сжимают друг друга в объятиях.

Я люблю тебя и боюсь не твоей смерти, а твоей судьбы, потому что судьба всегда короче жизни. Живой человек уже мертв, если он выполнил то, что предназначено ему судьбой.

Кортес кладет голову на плечо Марины, она гладит ее.

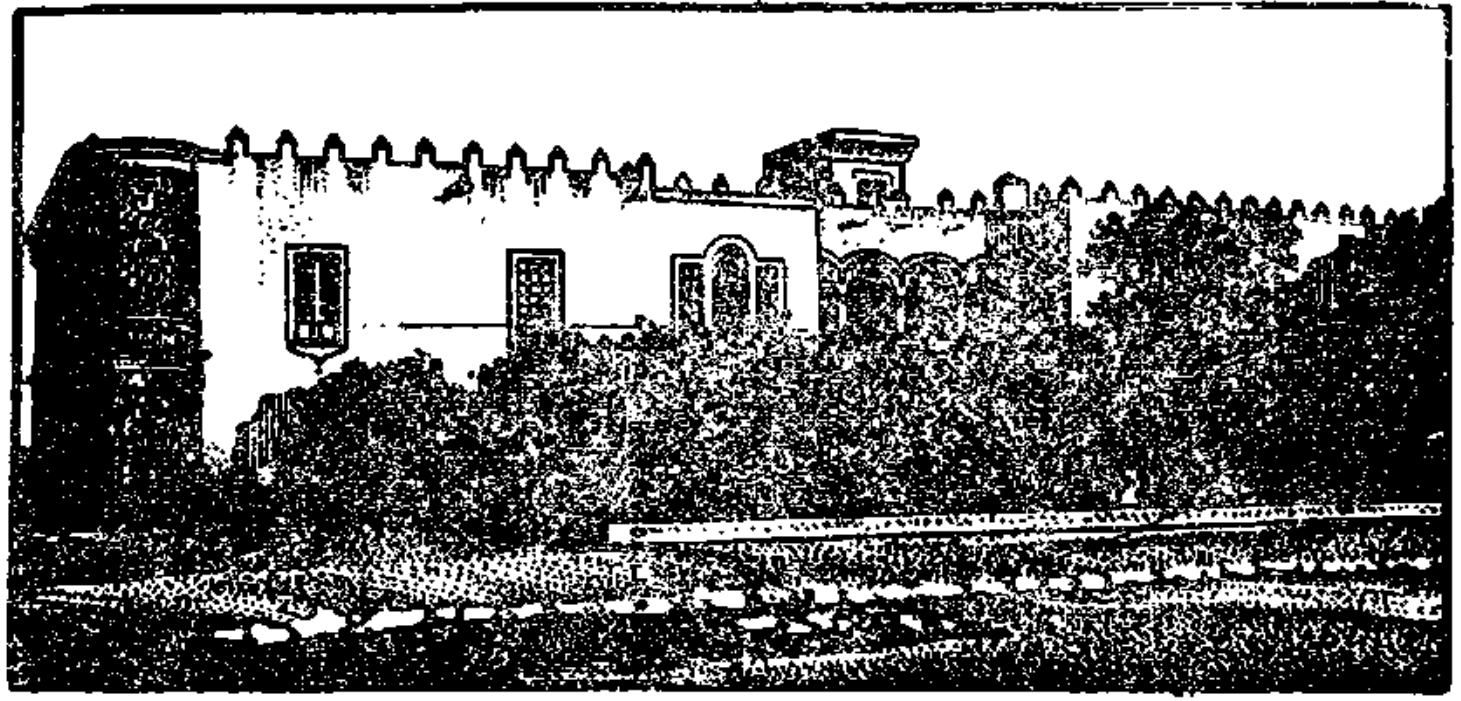
Ведь мы беззащитны, господин. Есть силы более могущественные, чем мы. Чем ты и я. *(Пауза.)* Но я люблю тебя, господин.

К о р т е с. И я люблю эту землю... Мою Испанию, мою Новую Испанию... Свою жизнь здесь... Этот момент... Марина, клянусь тебе: мы построим тут новый мир... Мир, в котором мы будем представлять самих себя, тех, кто здесь, а не отсутствующих властителей.

Они самозабвенно и страстно обнимаются. Появляется авгур Тескатлипока, одетый в черное. Он танцует и прыгает вокруг пары, потрясая длинным зеркалом.

А в г у р Т е с к а т л и п о к а. Боги стали людьми, и люди почувствовали себя свободными. Но они ощутили себя и виновными, ибо для того, чтобы получить свободу, им пришлось смешать свет и тьму; и прежде, чем добиться свободы, им сначала надо было утратить ее. Свобода! Любость!

Авгур Тескатлипока громко хохочет. На сцену опускается тьма.

На сцене начертаны три круга, на которые по очереди будет падать луч яркого света. Слева — черный круг, в центре — белый и справа — желтый. В первом находится Моктесума; он снова в одной набедренной повязке и с метлой в руке. Во втором круге лежит Марина. В третьем — Кортес; он сидит в массивном кресле, спиной к публике. В начале действия на сцене темно. Затем освещается первый круг, остальные скрыты во тьме. Моктесума медленно подметает пол. Останавливается и прислушивается.

Моктесума. Вы не слышите, как ухают филины? *(Пауза.)* Не слышите, как рычат дикие звери в горах? *(Отбрасывает метлу, становится на четвереньки.)* В этом доме развелись муравьи... *(Пытается прихлопнуть их рукой.)* Проклятые муравьи... Проклятые муравьи... *(Падает ничком, рыдает.)* Проклят, проклят, проклят... Не болен, не безумен, не слаб... Только проклят... *(Пауза. Далекий шум сражения.)* Будь я безумный или больной, я потерял бы себя, но не свое царство. Слабый — я потерял бы царство, но спасся бы сам. Проклят, проклят, проклят... Погибли и царство, и я... *(Чему-то удивляется, прижимает ухо к земле.)* Вы не слышите, как квакают жабы на болоте? *(Встает, шатаясь, пытается говорить гневно и властно.)* Семпоала... Тласкала... Вассалы-предатели... По приказу теулов их войска окружили мой город. Семпоала... Тласкала... С какой радостью они мстят мне. Но радость их продлится недолго: они лишь сменили одного властелина на другого. *(Снова падает, обессиленный.)* Мои родные... Куаутемок, орел... Куитлауак, принц и брат... Повелитель Тлакопана... Повелитель Койоакана... Мои храбрые союзники... Зачем вы пошли против теулов? Разве вы не видите всю бесполезность нашей борьбы?.. Заключайте мир, покоряйтесь, старайтесь что-нибудь сохранить... Гибель смотрит нам в лицо, у нее огненные веки... *(Пауза.)* Трагедия написана... я слышал предсказания, я верил в них, я... Но я всегда знал истину... Не сражайтесь больше, братья, наша победа — ложь, и только наше поражение — истина... *(Пауза.)* О мой народ... Почему ты отвернулся от меня? Когда я, наконец, позволил смотреть на себя, ты отказался наградить меня взглядом, почему? *(Пауза.)* Боги, боги, почему вы меня оставили?.. Я старался служить двум святым принцам: Уицилопочтли, принося ему жертвы, и Кецалькоатлю, веря в его обещанное возвращение. О боги, вас уже не ублажает ни кинжал из обсидиана, ни фимиам из копала? Боги, боги, или я предал вас? Может быть, я не понял того, что вы мне сказали?... *(Пауза.)* Может быть, не надо было чтить бога или сражаться против человека... а беречь свое царство?.. *(Пауза.)* Теперь уже поздно... Слишком поздно...

Входят Альварадо и Олид с цепями в руках. Швыряют грохочущие цепи на пол. Хватают Моктесуму, вывертывают ему руки.

Моктесума (*согнувшись от боли*). Чего вы хотите от меня? Чего еще желаете?.. Я предложил вам гостеприимство своего дома... Я вышел встретить вас дарами, я бросал вам цветы под ноги, я украшал вас гирляндами. Капитану, который вас ведет, я сказал: «Господин наш, ты устал, но ты пришел в свою землю. Ты достиг своего города, Мехико. Ты пришел сюда, чтобы взойти на свой трон. Я и мои предки уступаем его тебе. На короткое время. Так велели нам боги и наши праотцы, которые сказали, что ты должен прийти сюда. Теперь это свершилось, ты пришел. Иди и отдыхай. Владей своими царскими дворцами...» (*Пауза*). Где же теперь Кортес? Почему он не смотрит на меня? О, я чувствую себя публичной женщиной, на которую глядят только раз, из любопытства... Или, как бог Кецалькоатль, мы всегда должны в ужасе бежать от собственного лица? Или нам никогда не увидеть то лицо, которое мы хотим увидеть? (*Пауза. Снова обращается к капитанам.*) Чего вы еще хотите? Я показал вам письма для записи дани, чтобы вы знали, где собирать богатства на этих землях. Я отдал вам сокровище своих царских хранилищ. Я велел показать вам места, где добывается золото. Я видел, как вы переплавляли мое золото в слитки. Я передал вам восставших против вас индейских воинов, и вы сожгли их перед главным храмом. Вы превратили мой дворец в притон и публичный дом. Что мне осталось отдать вам? (*Пауза.*) Свою жизнь?

Альварадо и Олид опутывают цепями руки и ноги Моктесумы, царь повинуется. Его уводят в глубь сцены. Появляются четыре авгура, одетые в белые туники.

1-й авгур. Они хотят, чтобы ты обратился к своему народу.

3-й авгур. Чтобы успокоил его с башни своего замка...

4-й авгур. Но твой народ уже не верит в тебя...

5-й авгур. Весь твой народ восстал против иноземцев.

1-й авгур. Твой народ уже не верит ни во что...

3-й авгур. Ни в то, что ты — воплощение солнца на земле...

4-й авгур. Ни в то, что белые люди — это боги счастья, вернувшиеся по Великому океану...

5-й авгур. Они увидели твое чудовищное унижение...

1-й авгур. Они увидели их чудовищную кровожадность...

3-й авгур. Они не бессмертны: мы видели, как они умирали.

4-й авгур. Ты не бессмертен: мы хотим видеть, как ты умрешь.

5-й авгур. Твой народ уже познал, что нет ничего выше самого народа, и потому он борется против тебя и против иноземцев в нашем городе...

Зрительный зал наполняется сражающимися войсками ацтеков и испанцев. С одной стороны — плюмажи, круглые щиты, палицы, отравленные копья, стрелы, колокольцы и знамена из перьев; с другой — шпаги, арбалеты, стяги, сверкающие шлемы и латы. Идет жестокий бой врукопашную — в партере, в дверях, около кулис и т. п. Громко и пронзительно звучит индейская музыка. Во время сражения говорят авгуры.

4-й авгур. Наш народ научился защищаться...

5-й авгур. Он уже не боится пушек и коней...

1-й авгур. Он уже знает, что это называется пушками и конями, он больше не считает это волшебством.

3-й авгур. Наш народ наносит удары и исчезает, словно вокруг — глубокая ночь...

4-й авгур. Атакует и исчезает, исчезает и атакует...

1-й авгур. Мы научились сражаться и будем сражаться — сейчас, и потом, и всегда, если даже придется терпеть поражения...

3-й авгур. Мы сражаемся, как ящерицы: сливаемся с цветом наших гор, леса, неба, а родина — непобедима...

5-й авгур. Мы захватили пушки, арбалеты, шлагги. Мы научимся ими владеть.

Хор авгуров. Моктесума, Моктесума, Моктесума...

4-й авгур. С тобою кончается одна из эпох нашей истории...

1-й авгур. Все было в твоих руках, всемогущий повелитель, даже поражение.

3-й авгур. С тобой кончилась пора нашего одиночества...

4-й авгур. Нашего блаженного и печального неведения...

5-й авгур. Теперь мы знаем, что не одни мы существуем на свете...

1-й авгур. Теперь начинается новая полоса истории: в мире, вместе с миром, против мира...

Хор авгуров. Мы будем сражаться, сражаться, сражаться...

1-й авгур. Чтобы иметь лицо...

3-й авгур. Чтобы иметь имя...

4-й авгур. Чтобы иметь землю...

Авгуры сбрасывают туники, остаются в одних набедренных повязках; Женщина-авгур обнажена совсем. У каждого авгура в руке камень. Бой затихает, сражающиеся мало-помалу удаляются из зрительного зала.

Женщина-авгур. Мы не плачем по тебе, Моктесума, ты — старое, отжившее, истлевшее. Ты — сам гнет под маской бога...

Моктесума. Гнет... Власть... Я хочу понять...

4-й авгур. Ты — немощь, ставшая преступлением, ты — злодейство, превратившееся в слабость...

Моктесума. Немощь... сила... Боги, не покидайте меня... Если вы отняли у меня власть, дайте мне теперь хотя бы разум.

4-й авгур. Ты — мутное зеркало властителей, которые угнетают народы... Твое величие зависело от робости твоих подданных. Когда твой народ стал велик и деятелен, ты стал ничтожен... Для чего ты нам нужен? Ты не нужен теперь даже испанцам!

Хор авгуров. Моктесума, Моктесума... Моктесума...

4-й авгур. Царь Мексики, угнетатель рабов...

1-й авгур. Царь Мексики, раб угнетателей...

3-й авгур. Царь без лица, властитель в маске...

Моктесума. Я сомневался, всегда и во всем сомневался, и, сомневаясь, я ведь все время действовал, существовал, сомнение было моим действием и моим бытием.

4-й авгур. Напрасно ждал ты возвращения Кецалькоатля.

Моктесума. Кто он — бог или человек? Я сомневался, потому что думал — Кортес иной, чуждый, непонятный, совсем другой, чем я. Теперь я знаю правду. Люди не имеют собственной судьбы, они зависят от действий, которые совершают. Действия и судьбы Моктесумы и Кортеса определены мерой их власти, а не самим Кортесом или Моктесумой, которые даже не хозяева своих лиц... У Кецалькоатля было свое лицо, но он его испугался. Кортес и Моктесума не имеют лиц, и это их страшит... Моктесума и Кортес — игрушки двух империй. Суеверный Моктесума, своевольный Кортес... Но мы оба действовали только по воле рока. И он и я. И я и он... мы противостояли друг другу, но еще больше спорили со своим собственным «я», внутренним противником, который меня терзал и побуждал бездействовать, а Кортеса терзал и заставлял действовать.

5-й авгур. Добро и счастье не приходят из-за моря...

1-й авгур. Здесь, у нас, мы сами должны их обрести: на нашей земле, в нашем имени, в нашем лице...

Моктесума. Кортес, Кортес, Кортес, ты мой слепой близнец, так же как я — твой слабый двойник. Кортес не бог, не человек, а всего лишь мое собственное «я», «я» — противник Моктесумы, второй голос Моктесумы...

3-й авгур. Вернулся не Кецалькоатль. Пришла другая власть, другая власть, другая власть...

Моктесума. Другая? Но разве мы оба вместе не причастны к одной и той же власти? К власти вообще? Я отдавал ее, Кортес брал. Победенный Моктесума, победитель Кортес — мы оба рабы власти, хотя и верим, что ею распоряжаемся... Я чувствую облегчение, чудесное облегчение...

4-й авгур. Но так же, как и ты, конкистадоры станут бояться возвращения Пернатого Змея — возвращения счастья на землю Мехико...

Моктесума. Власть в Мехико неделима. Власть едина, но она — как палка о двух концах. Я не пользовался ею; ты, Кортес, стал употреблять ее в полную меру. Но ты не мог бы взять ее, если бы я ее не терял, а я не потерял бы ее, если бы ты не стал ее домогаться...

5-й авгур. Прислушайся, авгур, прислушайся, погляди вдаль...

1-й авгур. Я слышу грохот этих же самых пушек, я слышу цокот копыт этих же самых коней... Но теперь стреляем мы, теперь мы скачем по огромным пылающим равнинам...

3-й авгур. Значит, у нас будет имя, земля и лицо...

Моктесума. Это верно... Верно... Верно! Боги, спасибо, боги... Спасибо за то, что вы просветили меня: вражья сила не противница моя, она сподвижница моя... Она — моя дочь... Моя наследница... Я разбит. Снимает ли это с меня вину? Нет... нет... Виновно мое неведение — зачарованная жертва сама призвала своего палача. (Пауза.) Власть. (Пауза.) Но ее я не теряю, нет... Я лишь передаю власть испанцам... Они продолят ее жизнь... Они моим именем установят старую вассальную зависимость на этих землях... Они тоже будут приносить в жертву людей... Их преступления продолжают мои... За алтарем их неумолимого бога встанут, усмехаясь, мои боги, и имя Христа заменит имена богов Уицилопочтли и Кецалькоатля... Испанцы постараются, чтобы эта земля осталась землей господ и рабов, хозяев и слуг... О, ничто не умрет... Ничто не умрет. Моктесума навсегда останется хозяином Мехико... До тех пор пока один человек может властвовать над всеми остальными, Моктесума будет жить...

Авгуры швыряют в Моктесуму камни, которые были у них в руках. Альварадо и Олид прикрываются щитами. Моктесума падает, сраженный насмерть. Капитаны выволакивают труп Моктесумы. Слышится заунывное песнопение авгуров, которые медленно перемещаются в следующий, белый круг, где под покрывалом лежит Марина. Четким контуром вырисовывается ее большой живот.

Хор авгуров. Плач идет, идет дальше; слезы катятся там, в Тлателолько.

1-й авгур. В Тлателолько Моктесума казнил мечтателей.

3-й авгур. В Тлателолько Альварадо казнил певцов.

4-й авгур. Альварадо, рыжий, как Тонатлиу¹, велел запереть выходы, окружил танцоров, забил их копьями и кинжалами, заколол шпагами.

5-й авгур. Все хотели бежать, некоторые влезли на стены, но никому не удалось спастись.

1-й авгур. Певцов обезглавили, танцорам вспороли животы, а музыкантам отрезали руки.

3-й авгур. Окровавленные, бежали старые боги.

4-й авгур. Окровавленным явился новый бог.

1-й авгур. Тлателолько навсегда останется местом преступления².

Марина корчится от боли и стонет: у нее начинаются роды.

¹ Один из образов бога солища (или огня) в ацтекской мифологии.

² На площади Тлателолько, известной не только жертвоприношениями и казнями ацтеков, в октябре 1968 года была расстреляна студенческая демонстрация.

5-й а в г у р. Испанцы атаковали наш город с бригантин, построенных на озере.

1-й а в г у р. Наш город осажден.

3-й а в г у р. Пали ворота Орла.

4-й а в г у р. Разрушены мосты...

5-й а в г у р. Народ умирает от голода и жажды.

1-й а в г у р. Нет чистой воды, одна только затхлая горькая жижа.

3-й а в г у р. Мы едим ящериц, ласточек, маисовые листья.

4-й а в г у р. Мы стали есть кожу и шкуры оленей.

5-й а в г у р. Мы жуем глину, глину, глину...

1-й а в г у р. Мало-помалу нас оттеснили к стенам...

3-й а в г у р. Мы бежали из Теночтитлана, спрятав золото во рту...

4-й а в г у р. Но испанцы схватили нас, изнасиловали наших женщин, угнали мужчин в рабство, клеймив раскаленным железом их губы...

5-й а в г у р. Мы затыкали носы платками, мы глотали тошнотворный запах мертвецов, разлагавшихся тел...

4-й а в г у р. Воюющий народ пришел в смятение, люди в печали поднимались на башни и взирали на свою гибель...

5-й а в г у р. Дети, старики и женщины плакали...

4-й а в г у р. И господа, и знать в каноэ — все опустили руки.

1-й а в г у р. Восемьдесят дней длилась осада города Мехико—Теночтитлана...

3-й а в г у р. Погибло более двухсот тысяч ацтеков, и среди них почти все благородные вожди. Спаслись только некоторые господа, и военачальники, и малые дети...

4-й а в г у р. Пал Орел, наш последний царь, Куаутемок, который бился до конца...

5-й а в г у р. Знатные люди уведены в рабство...

1-й а в г у р. Город разрушен: не осталось ни храмов, ни замков, ни садов, ни рынков...

4-й а в г у р. Все это натворили здесь белые люди...

Хор а в г у р о в. Куда мы идем, друзья?!

Дым вокруг поднимается.

Темный туман расстилается.

Плачьте — не плакать нельзя!

На улицах горы тел,
Черви кишат, размножаются,
Кровь водой растекается.
Никто не остался цел.

Досталась дорого им
Жизнь девушки, юноши каждого,
Ребенка, жреца кровожадного...
Но ацтекский народ погиб.

Плачьте, плачьте, друзья,
Плачьте — не плакать нельзя!

Авгуры склоняются, стонут, плачут, обнимают друг друга. Марина кричит.

М а р и н а. О, выходи скорее, сын мой, выходи, выходи, выходи из меня... Выходи, сын измены... Выходи, сын распутницы... Выходи, сын блудницы... Обожаемый сын мой, выходи скорее... Выходи на землю, которая уже не моя и не отца твоего, а твоя собственная.. Выходи, сын двух вражеских кровей... Выходи, мой сын, взять обратно свою проклятую землю, что стоит на незыблемых преступлениях и зыбких мечтах... О, если бы ты смог возродить свою землю и воплотить в жизнь свои мечты, мой сын, белый и смуглый, если бы мог смыть кровь с пирамид, со шпаг,

с крестов, которые страшными алчными пальцами торчат из твоей земли... Выйди на свою землю, сын утренней зари, выйди, полон злобы и страха; выйди, полон презрения, коварства и притворной покорности... Выйди, сын мой, выйди, чтобы ненавидеть своего отца и поносить свою мать... Говори тихо, сын мой, как подобает рабу. Кланяйся, служи, терпи и вооружайся тайной ненавистью для дня своей мести. В тот день ты выйдешь из недр этой нищей и богатой земли так же, как сейчас выходишь из моего чрева; и тогда ты говори громко, ступай уверенно по серебру и грязи, пой песни, гарцуй на конях своего отца, жги дома своего отца, как он жег жилища твоих предков, распинай своего отца на стенах Мехико, как он распял на кресте своего бога, убивай своего отца его собственным оружием. Убивай, убивай, убивай, сукин сын, чтобы они опять не убили тебя. На земле слишком много белых людей, и все хотят одного: крови, труда и склоненной спины рабов, темных от солнца. Волнами будут накатывать белые люди на нашу землю, чтобы овладеть ею. Тебе придется сражаться против них всех, и борьба твоя будет печальной, потому что ты будешь сражаться против части своей же крови. Твой отец никогда тебя не признает, мой смуглокожий сын, никогда не увидит в тебе своего семени, а только своего раба. Тебе придется самому утверждать себя в своей сиротской жизни, и не будет у тебя иной поддержки, кроме тощих рук твоей несчастной матери. Напивайся пьяным, сын тоски, люби женщин, пой песни, танцуй, одевайся в цвета земли, одинокое дитя земли, чтобы сама земля возрождалась из грязи твоего изможденного тела. Устрой на нашей земле великий праздник, праздник тайный и невидимый... У тебя не будет иных спутников в твоём одиночестве, ни иных богатств в твоей нищете, ни других голосов в твоём безмолвии, кроме великих праздников смерти и мечты, мятежа и любви. Мечта, любовь, мятеж и смерть станут для тебя единым целым. Бредовый праздник, в котором ты будешь бунтовать, чтобы любить; будешь любить, чтобы мечтать; мечтать, чтобы умереть. Измажь землю свое тело, сын мой, чтобы земля была твоей маской и господа не смогли бы разглядеть под ней ни твоих мечтаний, ни твоей любви, ни твоих мятежных чувств, ни твоей смерти. Посыпь себя пылью, сын мой, чтобы даже после смерти ты казался живым и тебя бы боялись, хитрого, подлого, пьяного, насильника, мятежника, вооруженного аркебузом и ножом, грозного своим криком и цветом, страшного даже в своём упорном и немом смирении. Ты сумеешь ждать, ждать, ждать, как наши предки ждали пришествия бога Кецалькоатля, бога, который бежал, испугавшись собственного лица, чтобы теперь твое пугающее лицо, сын мой, явилось бы в хлопьях тумана и блеске яшмы, в маске пыли, под пеленою слез. Когда-нибудь, сын мой, твое ожидание вознаградится, и бог добра и счастья снова покажется из-за какой-нибудь церкви или какой-нибудь пирамиды в мираже большой мексиканской равнины. Но он объявится только тогда, когда ты сам будешь готов воплотиться в него, ты, мой сын-горемыка. Ты должен стать пернатым змеем, крылатой землей, птицей из грязи, ты, подонок, презираемый сын Мексики и Испании. Ты — мое единственное наследие, наследие Малинцин-богини, Марины-распутницы, Малинче-матери...

Хор авгуров. Малинцин, Малинцин, Малинцин... Марина, Марина, Марина... Малинче, Малинче, Малинче... Распутная мать наша... Порочно зачавшая... Ты полна злобы, тебя наущает дьявол, ты будешь проклята всеми женщинами... И проклят будет плод чрева твоего...

1-й авгур. Кортес...

3-й авгур. Моктесума...

4-й авгур. Испания...

5-й авгур. Мексика...

Марина (кричит). Нет, нет, не надо имен, больше не надо названий! Пусть будут только люди, люди, люди, живые, добрые, злые, свет-

лые и темные, жестокие и нежные, мстительные и великодушные. Больше не надо героев, не надо тиранов, не надо Кортеса, Моктесумы, не надо отдельных судеб — пусть будет общая судьба, которую я рожаю... (Пауза.) Ты, сын мой, будешь моим триумфом, триумфом женщины...

Хор а вгуров. Малинаксоцитль, богиня зари... Тонанцин, мать...

Марина. Я снова стану богиней. Блудница станет чистой. Дети смывшей грехи распутницы станут людьми...

Все молчат. Все неподвижны. В белом круге появляется жрец Сиуакоатль — в отрешках, лицо изрыто оспой. Он вздымает вверх руки, мечется по кругу. За ним выходит францисканский монах, трогает его за плечо.

Монах. Сын мой...

Сиуакоатль. Разве ты мой отец? Ложь! На этой земле остались только сироты.

Монах. Ты кто?

Сиуакоатль. Павший принц. Нищий жрец.

Монах. Я тоже священник и нищий. Пойдем со мной вместе.

Сиуакоатль. Какой еще новой болезнью ты меня наградишь?

Взгляни на меня, я уродлив и слеп от оспы, которую вы принесли сюда. Вы наслали на мой народ смерть, медленную и неотступную, страшную и разъедающую смерть от язв...

Монах. Твое страдание причиняет мне боль.

Сиуакоатль. А мне причиняет боль моя жизнь, потому что я видел смерть моих господ и моего народа, которых, наконец, уравнила общая гибель.

Монах. Я хочу помочь тебе. (Пауза.) Давай посадим вместе большое дерево, лавр Индий. И будем ходить от селения к селению, сеять, что сможем, и ждать, пока лавр окрепнет и укроет в своей тени всех людей...

Монах берет за руку Сиуакоатля, который со стоном тащится за ним.

Сиуакоатль. Подайте милостыню... Бедному слепому... Милостыню... Во имя господ бога...

Марина (кричит). Не верь больше в богов, безумец! Заставь богов поверить в тебя! Сорви маски с богов, безумец, и под каждой маской ты увидишь лицо угнетателя! Не проси неба у богов, требуй у них землю, свободную от гнета! Слепцы, не бойтесь глядеть на запретный свет! Мечтатели, делайте свои сны реальностью! Поборники правды, ненавидьте то, что вы не можете любить! Бунтари, разрушайте то, что вас вынуждают делать! Воры, крадите то, что украдено у вас! Мексиканцы... (Она вдруг замолкает, удивленная новизной этого слова.) Мексиканцы... Да погибнем мы и восстанем из праха!

Над вторым кругом гаснет свет. Освещается третий, желтый круг. Кортес сидит в массивном кресле, спиной к публике. Рядом с ним большой глобус. У его ног Карлик из свиты Моктесумы забавляется резиновым мячом. Неподалеку стоит стол, на котором в беспорядке лежат листы бумаги. В тускло освещенной части круга появляются три королевских фискала — все трое в одеждах законников: гофрированные воротники, черные мантии, черные высокие шляпы, очки.

1-й фискал. Ну как, лицензиат, нравится вам эта Новая Испания?

2-й фискал. По правде говоря, слишком новая, лицензиат. Комфорта старой Испании нет и в помине.

1-й фискал. Комфорт как раз нетрудно устроить: там ведь масса индейцев для всяких работ и прислуживания.

3-й фискал (с жестом отвращения). Да, индейцев с оспой, испанцев с плохим французским языком...

1-й ф и с к а л. Не волнуйтесь, лицензиат, всякие земли завоевываются грязной солдатней. А теперь наш черед — насаждать порядки в этой колонии. Вы подготовили докладную реляцию об Эрнанде Кортесе?

3-й ф и с к а л. Конечно, лицензиат, вот она. *(Развертывает бумагу. Читает торжественным голосом.)* Во-первых, назначенный милостью короля губернатором Новой Испании капитан Фернандо Кортес незаконно покинул свое местопребывание и отправился в безрассудную экспедицию в Лас Ибуэрас, где не нашел ни больших поселений, ни золота, ни прохода к Южному морю и привел к гибели своих товарищей, а также изрядно опустошил королевскую казну...

2-й ф и с к а л. Тщеславие, преступное тщеславие! Разве мало ему было царства Моктесумы? Чего он еще хотел? Завоевать весь мир?

1-й ф и с к а л. Он бы не завоевал и Мексику без помощи изменников индейцев!

3-й ф и с к а л. Во-вторых, завладев сокровищами Моктесумы, капитан Фернандо Кортес тратил их налево и направо, и посему доля, причитающаяся его величеству, святейшему и августейшему монарху, никогда не доставлялась по назначению в полной сумме.

1-й ф и с к а л. Или этот капитан Кортес думал, что все открытия, завоевания и колонизация предпринимаются ради него самого и его собственной выгоды?

2-й ф и с к а л. Нет, они предпринимаются во имя и ради нашего господина, короля дона Карлоса, волей божьей повелителя Кастилии, Леона, Арагона, обеих Сицилий, Иерусалима, Наварры, Гранады, Толедо, Валенсии, Галисии, Майорки, Севильи, Серденьи, Кордовы, Корсики, Мурсии, Хаэна, Алгарвиса, Альхесираса, Гибралтара, Канарских островов, Индий, заморских островов и земель...

1-й ф и с к а л. Князя Барселоны, властителя Бискайи и Молины, герцога Афинского, князя Русильонского, маркиза де Ористана и Госиано, эрцгерцога Австрийского, герцога Бургундского и Брабантского, князя Фландрского и Тирольского...

2-й ф и с к а л. И т. д., и т. п., и т. п....

1-й ф и с к а л. Мы служим королю, а не самим себе...

2-й ф и с к а л. Королю, богопомазаннику и законному наследнику династии...

3-й ф и с к а л. В-третьих, капитан Фернандо Кортес повелел возвести себе дворцы и построить дома, такие огромные, как большое селение...

1-й ф и с к а л. Будто он сам — король в этих землях...

2-й ф и с к а л. И не считался с многочисленными представителями королевской власти, приехавшими из Испании...

1-й ф и с к а л. Вице-королями и алькальдами, инспекторами, казначеями, поставщиками, нотариусами, королевскими послами, королевским судом, инквизицией...

3-й ф и с к а л. В-четвертых, капитан Фернандо Кортес настаивал на том, что местные индейцы, имеющие благородное происхождение и гораздо более смысленные, чем индейцы ранее завоеванных островов, должны получить землю во владение и быть избавлены от личного услужения испанцам. Лишь с великим трудом его заставили принять режим энкомьенды, вменяющий индейцам в обязанность работать в наших домах и на наших полях...

2-й ф и с к а л. Вот что значит путаться с язычницами-индеанками.

1-й ф и с к а л *(смеясь)*. Этот капитанишка из Эстремадуры действительно возомнил, что он «бог добра», как называли его эти идолопоклонники!

2-й ф и с к а л. Бог? Да он ничто! Кем он стал, этот плюгавый идальго из Эстремадуры после завоевания Новой Испании? Все пустил прахом! Всеми забыт! И точка. Один-единственный шанс дала ему история!

3-й фискал. В-пятых, кроме упомянутых преступлений, как-то: неповиновение властям, самоуправство, присвоение королевской казны, интриги и тирания, капитан Фернандо Кортес обвиняется в том, что он задушил свою законную супругу Каталину Хуарес, которую заставил приехать на Кубу, после того как он отдал индеанку Марину солдату Хуану Харамильо и умертвил отравленным сыром трех своих соперников, претендовавших на пост губернатора, — полномочных лиценциатов, прибывших в эти земли после их завоевания.

1-й фискал. На основании всего сказанного Фернандо Кортес отстраняется от управления Новой Испанией и осуждается на изгнание из города Мехико...

3-й фискал свертывает пергамент. Все фискалы исчезают в тени.

Кортес (*спиной к публике*). Изгнан из города, завоеванного и перестроенного мною... (*Пауза.*) Изгнан теми, кто недостойн сам жить там.

Встает и поворачивается лицом к публике. Это уже старый человек с белыми волосами и бородой, одетый в черное; на голове четырехугольная шапочка из черного бархата. Карлик играет резиновым мячом.

Карлик. Когда мы вернемся в Мехико, господин? Мы еще долго будем здесь, в Мадриде?

Кортес. Мы будем здесь до тех пор, пока король не примет меня и не воздаст мне должное.

Карлик. Или ты не видишь? Мы уже надоели здешним людям, они не удивляются даже моему резиновому шарiku. А тебя и твоих солдат и капитанов, которые обивают пороги королевских дворцов и молят о справедливости, называют краснорожими индейцами и еще похуже.

Кортес. Мои капитаны... Кто вовремя не умер, тот бросил меня... Тщеславный Альварадо, неверный Ордас... (*Кортес хмурится, идет к столу, ворошит бумаги.*) Моктесуму хоть камнями забили, а меня закидали бумагами... Судилище, изгнание, определение места жительства... (*Постариковски, хрипло смеется.*) Место жительства, вид на поселение... А кто теперь населял бы Мехико, если бы я не завоевал его? (*Поворачивается к глобусу.*) Для кого я завоевал мир, в двадцать раз больший, чем Испания? (*Вертит глобус вокруг оси.*) Для жалких буквоедов... Для лиценциатов... Для тех, кому удалось получить диплом в Саламанке... Но кто удрал бы при первой же атаке индейцев... Для тех, кто повинуется закону, но обходит его... (*Горько смеется. Выпрямляется. Спускается к авансцене. Говорит с достоинством.*) Ваше величество, светлейший и августейший монарх, я полагал, что своим трудом в юности я заработал себе право на отдых в старости. Сорок лет я недосыпал, недоедал, таскал на себе оружие и латы, рисковал жизнью, растрачивал свое состояние и жизнь во имя службы господу богу, загоняя овец в его овчарню. Все это происходило на землях, лежащих на краю света; на землях, нам не знакомых и не описанных в наших манускриптах. И я приумножал богатства и расширял владения моего короля, завоевывал и передавал под власть королевской короны многие великие царства и владения варварских народов и племен, подчиненных мной самим, на свой собственный страх и риск. Никто не помогал мне в этих походах — напротив, мне часто мешали завистники, которые отлипали от меня, как толстые пиявки, насосавшись моей крови...

Карлик. Господин капитан, тебе надо отдохнуть. Ты каждый день говоришь одно и то же, и никто не слушает тебя, кроме меня...

Кортес. Молчи, выродок... Ваше величество, святейший и августейший монарх, сейчас я беден и стар, отягощен долгами, мои слуги ропщут и требуют платы; мне шестьдесят три года, и это уже не тот возраст, когда можно скитаться по постоялым дворам. В эту пору следует пожинать

плоды своих трудов. Я хотел бы вернуться в Мехико, как только со мной обойдутся по справедливости, и свести там свои счета с богом... Я хочу вернуться в Мексику, мой повелитель, я хочу умереть в Мексике. Я снова молю, ваше величество, проявить великодушие и приказать судьям... *(Прерывает в ярости свою речь.)* Я не прошу больше какой-то крохи того мира, который завоевал! Ваше величество, благодаря мне вы приобрели Новый Свет. Я подвергал себя опасностям, а с головы вашей священной особы не упал ни один волосок!.. Новый Свет. *(Падает на колени в отчаянии. Карлик невозмутимо играет с мячом. Долгая пауза.)* Марина... Марина... Новый Свет... Мы вместе, ты и я... Марина... Марина... Судьба всегда короче жизни. Живой человек уже мертв, если он выполнил то, что предназначено ему судьбой. Марина... Мы вместе, ты и я... ...Новый Свет... Новая Испания... *(Кричит в гневе.)* Неблагодарная Испания, подлая мачеха, старая скряга! Я подарил тебе целый мир... Ты заперлась в своем замке из холодного камня и ладана, чтобы считать золото, которое мы тебе поднесли... Ты изуродовала мир, который мы тебе завоевали... *(Пауза.)* Один человек против целой империи. *(Пауза.)* Нет, не так. Один человек, завоевавший империю, чтобы отдать ее другой империи. Я — человек, который ничего не имел, растоптал империю... А моя собственная империя растоптала меня, человека, который ничего не имеет... Кортес, жертва двух властей: побежденной и победительницы. Марина... Марина... Я все потерял на твоей земле... И ничего не выиграл на своей собственной. *(Пауза. Начинает смеяться сквозь слезы.)* Блудный сын не вернется с пустыми руками в родимый дом... Кортес, бог, пришедший с востока, как говорилось в предсказаниях Моктесумы... Моктесума, мой слепой близнец, Моктесума, всемогущий повелитель, посмотри на своего завоевателя, посмотри... *(Пауза.)* Мы были всего-навсего людьми, которые сражались... Людьми...

К а р л и к. Господин, пожалуйста, отдохни...

Карлик помогает Кортесу подняться и уводит его. Кортес шепчет по пути.

К о р т е с. Люди... Люди... Люди...

Какое-то время сцена остается пустой. Затем начинает заполняться людьми, по внешнему виду — нашими современниками. С одной стороны вползают на коленях кающиеся, которые истязают себя бичами, ташат хоругвь с образом «покровительницы» Мексики — Святой девы Гвадалупанской, заунывно поют молитвы. С противоположной стороны входит народный мексиканский ансамбль — марьячи. В то время как певцы играют и поют, загораются яркие рекламные объявления: Форд, Кока-кола, Пан-Ам, Хилтон, Котекс, Ярдли и т. д. Марьячи исполняют современную популярную песенку — «Я — чистый мексиканец». Появляются Торговец и П а с т у х, одетые в грязные комбинезоны, обутые в уарачи¹, и ташат на себе тюки. Входят другие действующие лица: жрецы из Чолулы, одетые как официанты из ресторана; Г о н е ц — теперь модно одетый мужчина, несущий плакат партии ПРИ²; солдаты, маги-волшебники, сборщики дани, посланцы Моктесумы и охотники в мундирах мексиканских гренадеров³. Появляются авгуры в формах полицейских, царь Тескоко в виде ветерана мексиканской революции, увешанный медалями; Ц о м п а н т е к у ч т л и в образе современного интеллигента с книгами под мышкой. К у и т л а у а к — в мундире генерала мексиканской армии, С и у а к о а т л ь в отрепьях слепого нищего, монах О л ь м е д о — в одеяниях архиепископа Мексики. Толстый к а с и к — в костюме мексиканского депутата или наемного убийцы. С а н д о в а л ь, А л ь в а р а д о, О л и д, О р д а с и П о р т о к а р р е р о выглядят как типичные бизнесмены с портфелями в руках. М а р и н а выхо-

¹ Уарачи — индейские самодельные сандалии.

² Конституционно-революционная партия («Партидо Революсьонарио Институсьональ») — правящая партия крупной мексиканской буржуазии.

³ Полицейский корпус гренадеров участвовал в расстреле студенческой демонстрации в октябре 1968 года в Мехико.

дит в платье певицы из кабаре. Появляется Кортес — в полной форме генерала армии Соединенных Штатов Америки, его сопровождает Матрос в форме морского пехотинца США. Наконец, входит Моктесума — в черном костюме с президентской лентой через плечо (лента — зелено-бело-красного цвета, с мексиканским гербом, на котором изображены орел и змея). Куаутемок — в костюме простого молодого человека. С ним появляются девушки Моктесумы — в мини-юбках. Музыка рок-н-ролла заглушает музыку марьячей: ансамбль «Ролинг-Стоун» играет песенку «Пусть льется кровь». Молодежь танцует. Карлики, альбиносы и горбуны из свиты Моктесумы прыгают и кривляются в нарядах клоунов из ярмарочных балаганов. Затем все кланяются публике. Внезапно из темноты зрительного зала вырывается и бежит к сцене, задыхаясь, преследуемый Юноша, который был принесен в жертву в Чолулсе: на нем рубаха и джинсы мексиканского университетского студента. Он вбегает на авансцену, мексиканские гренадеры и полицейские стреляют в него. Юноша падает мертвым к ногам Моктесумы и Кортеса. Тишина. Марина становится на колени подле мертвого юноши, гладит ему голову, а затем пристально и напряженно смотрит куда-то в зрительный зал. Все лучи света сходятся в этой точке: появляется Кецалькоатль. На сцену с высоты обрушивается ливень мертвых сопилотов.

Мехико, 1970.

